

A movie poster for the film 'My Name'. The background is a dark, starry night sky. In the center, a woman with long dark hair is wearing a black lace mask that covers her eyes and nose, leaving only her mouth open. She is looking directly at the camera. The title 'ЗАБУДЬ МОЕ ИМЯ' is written in large, bold, pink Cyrillic letters across the image. The author's name 'ДЖ. С. МОНРО' is written in smaller, pink Cyrillic letters below the title. The overall mood is mysterious and dramatic.

ЗАБУДЬ

МОЕ

ДЖ. С. МОНРО

ИМЯ

Двойное дно: все не так, как кажется

Дж. С. Монро
Забудь мое имя

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-312.4(41)
ББК 84(4Вел)-44

Монро Д.

Забудь мое имя / Д. Монро — «Издательство АСТ»,
2018 — (Двойное дно: все не так, как кажется)

ISBN 978-5-17-112949-1

У нее украли сумку – а вместе с ней разом пропала и вся ее жизнь. Девушка не помнит даже своего имени, лишь домашний адрес почему-то остался у нее в памяти. Однако в доме, который она считает своим, живет молодая пара. Кто эта девушка и что привело ее в на их порог? Этот вопрос Тони и Лаура задают себе снова и снова. Но постепенно становится ясно, что каждый в этом доме вынужден хранить свой страшный секрет и лгать окружающим. Возможно, Тони и Лаура знают о незнакомке гораздо больше, чем кажется... Новый роман Дж. С. Монро – захватывающий и многоплановый роман, где литературное мастерство сочетается с глубоким знанием клинической психологии.

УДК 821.111-312.4(41)

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-112949-1

© Монро Д., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

День первый	6
День второй	35
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дж. С. Монро

Забудь мое имя

Другой путь удержания [простых идей, полученных от ощущения или рефлексии] есть способность постанавливать в нашем уме идеи, которые после своего запечатления исчезли или как бы были отложены, скрывшись из виду... Так как ограниченный человеческий ум не в состоянии обзреть и рассматривать сразу много идей, то необходимо было иметь склад для идей, которыми можно было бы пользоваться в другое время.

Джон Локк

«Опыт о человеческом разумении» (1690)¹

J.S.Monroe

FORGET MY NAME

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Janklow & Nesbit (UK) LTD и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Перевод с английского *Ирины Павловой*

© Jon Stock, 2018

© Павлова И., перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

День первый

1

Я не могу вспомнить свое имя.

Сияясь сохранять спокойствие, я как мантру повторяю про себя эти слова, пытаюсь осознать их до конца. Сорвавшись с якоря своей прошлой жизни, отныне я могу руководствоваться лишь настоящим.

Я разглядываю из окна поезда проносящиеся сельские пейзажи. Мне только кажется, или мужчина напротив действительно смотрит на меня слишком пристально? Я изучаю его отражение в стекле. Вот так, наверное, чувствуют себя люди, когда теряют рассудок. Откуда-то с затылка на меня накатывает головная боль. Надо дышать! Я еще в состоянии это делать.

По моим ногам пробегает дрожь. Я вдавливаю их поочередно в пол вагона и впиваюсь взглядом в канал, бегущий теперь вдоль железной дороги. Нужно держать себя в руках и не терять мужества. Как бы повел себя в подобной ситуации нормальный человек? Он бы наверняка взял тайм-аут и дал своему мозгу полную свободу действий. Пусть синапсы активируются. Половина людей в этом вагоне, скорее всего, тоже многого не помнят: дни рождения коллег, годовщины свадеб, ПИН-коды, свои собственные имена...

Мы останавливаемся на станции, название которой пропечатано на моем билете. Я схожу с поезда. И, вдыхая всей грудью свежий сельский воздух, бреду по петляющей тропке к дороге, вслед за толпой утомленных пассажиров. Я должна кого-нибудь из них узнать? Час пик только начался. Слева от меня какая-то речушка на ощупь прокладывает себе путь через луг, поблескивая каплями мелкой воды в свете летнего солнца. В стороне блеют овцы, а крикетное поле у церкви оглашают радостные возгласы сельчан. За церковью тянутся рапсовые поля цвета разведенной водою горчицы. А дальше сверкает канал с пешеходной дорожкой на берегу. Вдоль него вереницей пришвартованы ярко окрашенные моторные лодки.

Деревня находится всего в часе езды поездом от Лондона, но походит на идиллическое поселение в глухой глубинке. Очень пасторальная. Я прохожу по железнодорожному мосту и направляюсь вверх по ее главной улице, мимо почты. Я стараюсь мыслить логично. И знаю, что поступаю правильно. Когда я попыталась заявить о своей потерянной сумочке в аэропорту, мужчина за стойкой сказал, что временную амнезию может вызвать все, что угодно. Но одной из самых распространенных причин является стресс, связанный с работой. И в таких случаях лучше всего помогает свой дом – почта на дверном коврике, письма с именем и фамилией на конвертах. А когда служащий аэропорта поинтересовался у меня, смогу ли я найти дорогу домой, я достала из кармана билет на поезд, и мы оба решили, что он был взят именно туда, где я живу.

У «Агнца Божьего» я сворачиваю направо, в узкую улочку, обрамленную старыми домишками с соломенными крышами. И дохожу до последнего домика справа – с зелено-голубой входной дверью, обвитой поникающими побегами пышных глициний. При виде этого домика я должна была бы ощутить облегчение. Но этого не происходит. Я не только не расслабляюсь, я вдруг испытываю ужас.

Я пытаюсь представить, как закрываю за собой входную дверь, плюхаюсь на диван с большим бокалом охлажденного «Совиньон блан» и смотрю по телевизору какую-то ерунду. Только вот ключа у меня нет. Стоя перед домом, я обвожу взглядом улочку и слышу за дверью чью-то речь. Американскую. По телу пробегает дрожь. Я подхожу к окну и заглядываю внутрь. Тусклый солнечный свет, проникающий в кухню сквозь двери из сада, озаряет силуэты двух

человек. Едва дыша, я пытаюсь их рассмотреть. Мой взгляд задерживается на мужчине – он на кухонном острове режет салат большим стальным ножом, отражающим свет. При виде него у меня возникает сильное желание развернуться и побежать вниз по улочке. Побегать стремглав, со всех ног. Но я заставляю себя остаться. За мужчиной у глубокой керамической мойки стоит женщина, наполняющая водой кастрюлю.

Я возвращаюсь к входной двери, проверяю номер. Да, это тот самый дом. Но мои пальцы слишком сильно дрожат. И вместо того, чтобы нажать на звонок, я обвиваю обеими руками кованый дверной молоток и стучу им, склонив голову на грудь, как проситель в молитве. «Ом мани падме хум». Ответа нет, и я стучу снова.

– Я открою, – говорит мужчина.

Я отступаю назад в проулок и едва не теряю равновесие, когда дверь широко распахивается.

– Чем я могу вам помочь? – спрашивает меня мужчина с чуть заметной смущенной улыбкой.

У меня кружится голова. Мы с секунду всматриваемся друг другу в глаза, выискивая в них хоть какое-то подтверждение, пусть даже слабый намек на то, что ты узнал. И я понимаю, что надежды на это нет никакой. Мужчина опускает взгляд на мой чемодан, потом снова поднимает на меня. Я смотрю на него так долго, как только могу, – секунду, две, три... А потом отворачиваюсь.

Я знаю, мне следует сказать этому человеку что-то вроде: «Кто вы такой? Какого черта вы делаете в моем доме? Скажите мне, пожалуйста, что все это неправда. Мне так важно это услышать – после всего, что я сегодня пережила...» Но я продолжаю молчать.

– Если вы чем-то торгуете, то извините: нас ничего не интересует, – произносит мужчина, собираясь захлопнуть дверь.

И я узнаю его акцент: самоуверенные, знакомые звуки Нью-Йорка. Мужчина бросает на мой чемодан еще один взгляд. Должно быть, думает, что он набит прихватками и чехлами для гладильных досок или еще каким-нибудь барахлом, с которым в наши дни уличные торговцы обивают пороги чужих жилищ.

– Подождите, – окликаю я мужчину, вновь обретая способность говорить.

Мой голос его пугает. Разве я кричу? В моих ушах стоит пронзительный звон.

– Да? – переспрашивает мужчина. У него худощавое настороженное лицо, глубоко посаженные голубые глаза, аккуратная бородка и волосы, связанные в хвост. Похоже, для него закрыть дверь перед носом незнакомки – не естественная реакция.

– Кто там, дорогой? – раздается за его спиной голос женщины. Англичанки.

Мужчина сразу улыбается, хоть и через силу. Перед моими глазами проплывает лицо Флер, тоже с мимолетной улыбкой на губах. И мой палец инстинктивно прижимается к татуировке на запястье, скрытой под рукавом рубашки. Я знаю, у нас обеих есть такая: прекрасный цветок лотоса, пурпурный, не полностью раскрывшийся. Если бы я только могла вспомнить больше!

– Я здесь живу, – удается выдать мне. – Я уезжала в командировку. Это мой дом.

– Ваш дом??? – Мужчина скрещивает на груди руки и прислоняется к дверному косяку. Он хорошо одет: рубашка с цветочным узором, застегнутая на верхнюю пуговицу, тонкий темно-серый кардиган, фирменные джинсы. Похоже, он нашел мое заявление скорее забавным, чем странным, и теперь оглядывает улочку, выискивая глазами скрытые телекамеры и ведущую с припрятанным микрофоном. И возможно, он только сейчас расслабился, убедившись, что я не пытаюсь ему впарить алоэ вера.

– Мой ключ от входной двери лежал в сумке, но я ее потеряла в аэропорту вместе с паспортом, записной книжкой, айфоном и кошельком... – мои слова иссякают, а звон в ушах

становится невыносимым. – Я думала взять ключ у соседей, а потом собиралась позвонить в полицию, сообщить...

Земля у меня под ногами начинает ходить ходуном. Я силюсь еще раз взглянуть на мужчину, но вижу только Флер в дверях ее комнаты. И она спрашивает, не хочу ли я войти. Я делаю глубокий вдох, мысленно представляю себе дерево бодхи² и фигуру, обретающую просветление и умиротворение под его успокаивающими священными ветвями. Бесполезно. Не срабатывает. Я думала, что у меня получится, но ничего не вышло.

– Можно мне войти? – спрашиваю я, и вдруг чувствую, что вот-вот упаду. – Пожалуйста! Рука на моем локте смягчает мое падение.

2

– Она очень красива.

– Я не заметил.

– Брось, она великолепна.

– Ей требуется помощь.

– Врач сказала, что перезвонит через пятнадцать минут.

Я лежу с закрытыми глазами и слушаю. Они на кухне – там, где я впервые увидела их, заглянув в окно. А я нахожусь в небольшой гостиной в передней части дома. Голос мужчины звучит уверенно, убедительно. Голос женщины – мягче, нерешительней. Женщину зовут Лаура. После обморока на пороге я пришла в себя на диване и немного поболтала с ней. Заверила, что со мной все в порядке и мне нужно только ненадолго прикрыть глаза – пока не пройдет головокружение. Это было пять минут назад.

– Ну, как, вам лучше? – спрашивает Лаура, заходя в гостиную.

– Немного, – отвечаю я, поворачивая к ней голову. – Благодарю вас.

Лаура держит большую кружку свежесваренного мятного чая. Я замечаю, что рукав моей рубашки задрался, частично обнажив татуировку с лотосом.

– Я принесла вам чай, – говорит Лаура, ставя кружку на низкий индийский столик перед диваном. На одной стороне кружки нарисован кот в йогической позе героя. Я невольно выпрямляю спину.

– Мы связались с нашим местным врачом, здесь, в деревне, – продолжает Лаура, глядя на мое запястье. – Она обещала перезвонить в скором времени.

– Благодарю вас, – снова повторяю я слабым голосом.

– Голова все еще кружится?

– Немного.

Я тянусь к чаю. Лауре тридцать с небольшим. На ней леггинсы длиной три четверти и светящийся спортивный топ, как будто она собралась на пробежку. Она действительно в хорошей форме: высокая и стройная, кожа блестит, волосы собраны в пучок, на ногтях маникюр. Выглядит прекрасно, если не считать ярко выраженных темных кругов под глазами.

– По словам Тони, вы думали, что это ваш дом, – произносит Лаура нарочито небрежным тоном.

Я отпиваю глоток мятного чая – горячего, медово-сладкого. Может быть, хотя бы он развеет леденящий страх у меня в животе?

– Тони сказал, вы хотели взять ключ у соседей, – Лаура умудряется выдавить из себя короткий смешок и, отвернувшись, замирает.

– Это мой дом, – шепчу я, сжимая руками кружку, чтобы согреться.

---

² Священное дерево в буддизме, сидя под которым Будда обрел просветление.

Я ощущаю ее раздражение. Внешне неочевидное – она кажется слишком доброй для этого. Просто едва уловимое изменение в настроении. Тони, который, похоже, подслушивал наш разговор, заходит в дверь, соединяющую гостиную с кухней.

– Спасибо вам за чай, – говорю я, стремясь сохранить теплоту в нашем общении. – И за звонок врачу. Я уверена, со мной все будет в порядке.

– Едва ли, если вы все еще считаете этот дом своим, – говорит Тони. Он улыбается, но в его голосе проскальзывает рефлексивное желание защищать свою территорию. Моя татуировка все еще на виду. Через несколько секунд я ненароком опускаю рукав рубашки, чтобы ее прикрыть.

Я делаю еще один глоток чая и оглядываю гостиную. Это комната с довольно низким потолком. Безукоризненно чистая. В ней все на своем месте. Дровяная печь-камин; рядом аккуратная стопка поленьев, округлых, как свернутые молитвенные свитки. Книги по йоге и саморазвитию расставлены в небольшом книжном шкафчике строго по высоте. Все колышки в деревянной доске для игры в солитер воткнуты в свои отверстия. Даже палочки в бутылке диффузора, стоящего на подоконнике, расположены на одинаковом расстоянии друг от друга. Обстановка, может, и поменялась, но небольшие пропорции дома мне явно знакомы.

– Я приехала сюда, потому что... – запинаясь я, удивившись волнению в собственном голосе. – У меня был сложный период на работе. Сегодня, по прилете с конференции, я потеряла в аэропорту свою сумку. Я хотела подать заявление о ее пропаже, но не смогла вспомнить собственного имени... – снова замолкаю я.

– Но сейчас-то вы его вспомнили? – спрашивает Лаура, поворачиваясь к Тони: – У нас у всех случаются провалы в памяти.

Тони отводит взгляд.

Я мотаю головой. *Я не могу вспомнить свое имя.*

– Там, в аэропорту, я сумела вспомнить только, где я живу. И я подумала, что если я приеду сюда, в свой дом, в это святилище, то все будет в порядке. Я потеряла в аэропорту все, кроме одной вещи – билета на поезд до дома. Я нашла его в кармане.

– У вас еще остался чемодан, – замечает Тони, жестом показывая на входную дверь, у которой он стоит стоймя со все еще вытянутой ручкой. – А где проходила ваша конференция? – спрашивает в следующую секунду Тони. Его защитный рефлекс явно уступил место любопытству.

– Я не знаю, – из моих глаз брызжут слезы, и я никак не могу их остановить.

– Все в порядке, – говорит Лаура, присаживаясь рядом со мной на диване. Она обнимает меня за плечи, и я ей очень благодарна за это. День выдался трудным.

– На ручке должна быть бирка, – бормочет Тони, направляясь к чемодану.

– Она оторвалась. До того как я сняла чемодан с «карусели».

Тони смотрит на меня – мой голос дрожит. Я вижу себя в зале прилета, сидящей на краю опустевшей ленты и всматривающейся в десяток кружащих на ней чемоданов.

А затем появляется и мой чемодан – перед большим неровным тюком, завернутым в черный пластик и заклеенным лентой. Образ Флер возникает и исчезает. Ее тело изогнуто как у гимнастки-«змеи», одни локти и колени...

– Вы действительно не можете вспомнить, где проходила конференция? – уточняет Тони.

– Возможно, в Берлине. – Перед моими глазами всплывает еще один образ Флер – сверкающей глазами в диком неистовом танце. Я моргаю, и она снова растворяется в пустоте.

– В Берлине? – повторяет Тони, не в силах скрыть удивления. – Это уже кое-что. А авиакомпанию помните?

– Я прибыла в терминал номер 5.

– «Бритиш Эйрвейз». В котором часу, помните?

– Этим утром.

– Ранним?

– Не знаю. Не уверена. Извините. Я поехала из аэропорта прямо сюда. Может быть, поздним утром? Или около полудня?

– И вы не можете вспомнить свое имя?

– Тони! – встревает Лаура.

Я снова начинаю плакать, напуганная тем, как звучит такое утверждение в чужих устах. Мне нужно оставаться сильной. Не спешить, пытаться все вспомнить постепенно. Лаура снова приобнимает меня.

– Я знаю только то, что это мой дом, – говорю я, вытирая с глаз слезы салфеткой, которую она мне передает. – Это все, что я помню на данный момент. Это мой собственный дом.

– Но вы же понимаете, что такого не может быть, – заявляет Тони. – Я готов вам показать все документы о праве собственности на эту недвижимость.

– Все нормально, – вмешивается Лаура и снова бросает предупредительный взгляд на Тони, который садится на другой диван, напротив нас. – Надо бы позвонить в полицию, – продолжает она. – Оставить наш номер телефона на тот случай, если кто-то передаст вашу сумку работникам аэропорта.

Ее утешительные слова алчно поглощает кирпичная кладка старинного камина. И в гостиной воцаряется тишина.

– Полагаю, это бессмысленно, – говорит Тони через несколько секунд; его голос звучит теперь несколько спокойней. – Тем более что она до сих пор не припомнила свое имя.

Снова тишина. Мне надо рассказать им все, что мне известно об этом доме, все детали, которые я о нем помню.

– Моя спальня располагается наверху слева, а за лестницей находится еще одна спальня, достаточно большая, чтобы вместить двуспальную кровать, – начинаю я свой рассказ. – Рядом с ней ванная комната – душевая кабина в углу, ванная под окном. За ванной комнатой есть еще одна маленькая комната, чуть больше по площади; а над ней чердак, или мансарда.

Лаура косится на Тони. Тот смотрит на меня с недоверчивым изумлением.

– В глубине сада стоит кирпичное строение, – продолжаю я. – Идеально подходящее для хозяйственных нужд. И там внизу, в туалете, тоже имеется душевая кабина.

Я собираюсь рассказать им о кладовой с отдельным входом рядом с кухней, как вдруг звонит телефон.

– Это, должно быть, доктор, – бормочет Лаура, хватая трубку с кофейного столика перед нами. Похоже, она рада возможности прервать разговор.

Я молча слушаю, как Лаура сообщает врачу о женщине, заявившейся на порог их дома и утверждающей, что этот дом ее. Пока она говорит, Тони поглаживает ей поясницу. Прикрыв глаза, я отворачиваюсь. Это для меня уже слишком.

– Да, она говорит, что не может вспомнить ни свое имя... ни где она была... Она утверждает, что проживала здесь... Я не спрашивала, – Лаура зажимает рукой трубку и обращается ко мне. – Врач спрашивает дату вашего рождения.

Судя по выражению на лице Лауры, она уже понимает, что это еще один бессмысленный вопрос. Я мотаю головой.

– Она не знает. – Лаура выслушивает, что говорит ей врач, и снова заговаривает: – Она потеряла паспорт в аэропорту, вместе со своими банковскими карточками, ноутбуком и другими вещами, по которым можно было бы установить ее личность, – покосившись на меня, Лаура снова замолкает. На это раз врач говорит дольше. Похоже, они с Лаурой хорошо знают друг друга. Возможно, даже подруги. – Спасибо, Сьюзи. Я, правда, тебе очень признательна.

Лаура кладет трубку:

– Доктор Паттерсон осмотрит вас сегодня вечером. Из простой любезности. Она хотела, чтобы вы явились в отделение экстренной медицинской помощи для обследования на предмет

физических повреждений – травм головы, ударов, инсульта и тому подобного. Но я отговорила ее от этой идеи. Мы потратили там на прошлой неделе чертову уйму времени, да, дорогой? – Лаура устремляет глаза на Тони, и тот сочувственно кивает ей в ответ.

– Да, – поддакивает он, – целых шесть часов.

И я вздрагиваю при одной мысли о том, что можно так долго пробыть в больнице.

– Поскольку вы там не зарегистрированы, я запишу вас на прием от своего имени.

– Спасибо, – благодарю я.

– А может, она зарегистрирована? – допускает Тони.

– Я не знаю, – отвечаю я. – Извините меня. За такое появление. Свалилась на вас как снег на голову.

– Вы слышали о таком состоянии, как психогенная амнезия? – спрашивает Лаура.

Тони вскидывает глаза.

– Сюзи, то есть доктор Паттерсон, упомянула о ней в нашем разговоре. Это состояние может вызвать обширная травма или стресс. Сюзи назвала его диссоциативной фугой, психической реакцией «бегства». Так вроде бы. Вам она подробнее о нем расскажет. Главное, что память со временем возвращается. Так что вам не следует сильно переживать, – касается моей руки Лаура.

– Это хорошо, – говорю я. – Можно мне воспользоваться вашим туалетом?

– Конечно, – заверяет Лаура.

– Вы знаете, где ванная комната, – говорит Тони, отстраняясь от меня, когда я прохожу мимо него.

Я не отвечаю. И выхожу из кухни.

3

Когда я возвращаюсь в комнату, Тони держит трубку телефона в ожидании связи. Заметив меня, он сразу же поворачивается ко мне спиной.

– Тони звонит в полицейский участок в Хитроу, – говорит Лаура. – Чтобы сообщить им о вашей пропавшей сумочке. И сказать, что вы здесь и что у вас проблемы с памятью. Не сомневаюсь, что служба паспортного контроля может проверить и просмотреть, кто прилетел сегодня из Берлина, сличить вашу фотографию со своими списками.

– Я жду соединения с участковой полицией 5-го терминала Хитроу, – говорит Тони, прикрывая рукой трубку и разочарованно закатывая глаза. – Это не придает вам уверенности, да?

Похоже, его раздражение рассеивается при взгляде на меня.

– Как вы себя чувствуете? – спрашивает он.

Я пытаюсь изобразить подобие улыбки и присаживаюсь на диван рядом с Лаурой.

– Нам пора идти в больницу?

Лаура смотрит на свои часы, «Фитбит» фиолетового цвета:

– Еще двадцать минут. Я вот что подумала: может, нам позвонить кому-нибудь из ваших знакомых? Родителям? Другу?

Я опускаю глаза; мои губы начинают подрагивать.

– Извините, – говорит Лаура. – Все будет хорошо. Память вернется. Вам только нужно успокоиться, дать голове отдохнуть.

– Ну наконец-то! – оживляется Тони, направляясь с телефоном на кухню. Он оглядывается на Лауру и улыбается.

– Он не слишком-то любит полицейских, – поворачивается от Тони ко мне Лаура, не в силах подавить смешок. – Они постоянно штрафуют его за превышение скорости.

– У меня была подруга, – признаюсь я. – Я хранила ее фотографию в своей сумке.

– Вы знаете, где она живет? – спрашивает, воодушевившись, Лаура. – Мы могли бы ей позвонить.

– Она умерла, – я замолкаю, стараясь воскресить в памяти лицо Флер. И через секунду вижу ее. С коленками, торчащими из ванной. Плачущей. Я пытаюсь припомнить еще что-нибудь. Но образ Флер исчезает. – Это все, что я знаю, – добавляю я.

– Ладно, – говорит Лаура.

Воцаряется неловкая тишина. И мы обе прислушиваемся к голосу Тони, разговаривающего по телефону на кухне. Он рассказывает о моей пропавшей сумке и неспособности вспомнить свое имя. И пытается бегло описать меня, поглядывая в нашу сторону сквозь стеклянную дверь:

– Около тридцати лет, темные волосы, короткая стрижка... Деловой костюм, чемодан... Мы собираемся заглянуть в него сейчас. Она прибыла на терминал № 5 сегодня поздним утром, возможно, ближе к обеду. Рейсом «Бритиш Эйрвейз» из Берлина... Говорит, что потеряла сумочку, или ее у нее украли, в зале прилета.

И опять, слушая, как другой человек меня описывает, я поеживаюсь. Оттого что мне не по себе. Лаура чувствует, что мне не по себе, и кладет руку мне на плечо. Она явно склонна к тактильному общению. Ее лицо оказывается очень близко к моему. Слишком близко.

– Еще чаю?

– Я в порядке, спасибо.

– Может, откроем ваш чемодан?

Я хочу встать, но Лаура опережает меня.

– Я принесу его, – говорит она.

Лаура заводит чемодан на колесиках в комнату как раз в тот момент, когда Тони кладет трубку.

– Они назвали мне сайт, на котором регистрируются все потерянные в аэропорту вещи, – сообщает он нам обеим. – Но надеяться пока рано. На процедуру регистрации таких вещей уходит до сорока восьми часов.

– А что с ее именем? Они проверят списки пассажиров? – спрашивает Лаура.

– У них есть дела поважнее. А в нашем случае опасности никто не подвергается, угрозы миру тоже нет. Они сказали, что это компетенция социальных служб. Ну, что там внутри?

Лаура позволяет мне расстегнуть молнию на чемодане.

– Думаю, тут только одежда, – говорю я, вставая на пол на колени и приподнимая его крышку. Сверху лежат две пары черных трусиков, кремовый топ-камисоль и черный бюстгальтер. Лаура вскидывает взгляд на Тони. Тот отступает назад, предпочитая держаться на почти-тельном расстоянии. Я ворошу одежду, лежащую ниже: еще один черный деловой костюм, похожий на тот, что надет на мне, – жакет, аккуратно сложенный поверх юбки; три блузки, джинсы, две майки, еще один лифчик, пара туфель на каблуках, две книжки в мягких переплетах, пачка тампонов, сумочка для туалетных принадлежностей, полиэтиленовый пакет с грязными колготками, трико и скрученный коврик для занятий йогой.

– Судя по всему, ваша командировка была длительной, – говорит Лаура.

– Похоже на то, – соглашаюсь я, начиная рыться в вещах еще энергичней. – Должно же найтись в этом чемодане хоть что-нибудь, что мне подскажет, кто я такая!

– Вы увлекаетесь йогой?

– Полагаю, да, – говорю я, все еще копаясь в своих вещах. «Ом мани падме хум».

– Я преподавательница. Виньясы-йоги. Мы могли бы позаниматься вместе. Вдруг это поможет.

– Это было бы здорово.

Лаура заставляет меня чувствовать себя все более виноватой. С того момента, как я пересекла ее порог, она была олицетворением доброты и участия. Я снова сажусь на пол и в беспомощном смирении захлопываю крышку чемодана.

– Не переживайте так, – говорит Лаура, снова дотрагиваясь до моего плеча.

– Там нет дневника? – спрашивает Тони, присаживаясь подле Лауры на диван. – Или счета за проживание в отеле?

– Думаю, все это было в сумочке. Извините.

– Вы ни в чем не виноваты, – говорит Лаура.

– Можно я вас кое о чем спрошу? – Тони косится на Лауру, и у меня складывается впечатление, что она порой очень беспокоится за слова, способные сорваться с его языка.

– Вы помните что-нибудь из того, что вы делали сегодня? До того, как постучались в нашу дверь с полчаса назад.

Я киваю.

– Вы помните вашу поездку сюда?

– Да.

– А полет в самолете не помните?

– Тони! – вмешивается Лаура, сжимая рукой его колено. Он кладет на ее руку свою.

– Все нормально, – говорю я.

Лаура меня защищает. Это мило с ее стороны, но мне все же нужно отвечать на вопросы Тони. Какими бы трудными для себя я их ни находила.

– Мне кажется, что все случилось, когда я направилась в бюро находок. В тот момент, когда его сотрудник спросил у меня имя и я не смогла его вспомнить. Мне тогда показалось, будто всему конец, мир рухнул.

– Не удивительно, – говорит Лаура. – Такое кого угодно выбьет из колеи. Полная дезориентация...

– Как страшный сон, – соглашается Тони, и в его тоне сквозит уже больше сочувствия.

– Я помню только один момент до этого – когда мой чемодан появился на «карусели», но... ничего из того, что происходило раньше.

У меня опять начинает кружиться голова.

– И вы не можете ничего вспомнить о своей семье? – спрашивает Тони.

– Я думаю, что нам не стоит продолжать этот разговор, – произносит, вставая, Лаура. – Пока ее не осмотрит доктор. Нам уже пора идти.

– Со мной все в порядке, правда, – смотрю я на Тони, внимательно изучающего меня.

– И свое имя тоже не можете вспомнить? Совсем ничего?

Я мотаю головой.

– Мне кажется, вас зовут Джемма, – продолжает Тони, откидываясь на спинку дивана. – Определенно Джемма.

– Не знаю, – пожимаю я плечами.

– Джемма? – переводит с меня взгляд на Тони Лаура.

– Вы можете, если хотите, остаться здесь, в комнате для гостей, – добавляет тот, одаривая меня все той же смущенной улыбкой, с какой встретил меня раньше, на крыльце дома. – На несколько дней, пока вы не решите свои проблемы. Это будет не так легко сделать.

– Конечно, – говорит Лаура. Похоже, она ждала, когда Тони предложит мне у них остаться.

– Но без вещного права проживания, – добавляет Тони. – Я читал о таком.

Думаю, он шутит.

Через минуту мы уже оказываемся у входной двери. Я нервничаю от того, что мне придется переступить порог и снова выйти из этого дома в мир. Лаура улавливает мою тревогу.

– Не волнуйтесь, я пойду с вами, – говорит она.

– Я уверен, что доктор вам сможет помочь, – добавляет Тони. – Она очень опытная. И подтвердит вам, что это наш дом.

Но в тот момент, когда мы открываем дверь, мимо проходит какой-то мужчина.

– Добрый вечер, – приветствует он Лауру. – Как вам новое жилье? Нормально обустроились?

4

Как только передняя дверь закрывается, Тони бросается наверх. Он понимает, что нужды в этом нет. Но Лаура жаждет удостовериться, что с ума сошли не они, а женщина, которая внезапно появилась на их пороге. Лауре удалось обуздать свое беспокойство – благодаря ее занятиям йогой. Но Тони-то знает: лучше разрешить ее опасения быстро, до того как они наберут силу.

Поднявшись наверх, Тони раскладывает на лестничной площадке стремянку и отпирает люк – вход в маленькую комнатенку, его «мужскую берлогу», как называет ее Лаура. Она сюда не заходит. Каждый квадратный фут в этой комнатке заставлен коробками. И на каждой из них помечен год. В этих коробках хранятся листовые негативы доцифровых времен. Большинство из них с их свадьбы, но у левой стенки комнатки стоят несколько коробок с негативами, которыми Тони гордится больше всего. Это его коллекция ежедневных снимков, которые он делает все 365 дней в году. Фотографии спящей Лауры, высоких ажурных облаков, ракушек на пляже.

Лаура частенько подкалывает его, говорит, что эти снимки – признак нежелания двигаться по жизни дальше или неспособности жить настоящим моментом. Но дело совсем в другом. Это – память, противодействие забвению. Некоторые люди ведут дневник. А он каждый день снимает. Правда, в последние годы он предпочитает не печатать фотографии, а загружать их в Инстаграм.

Тони наклоняется, выбирает наугад одну из коробок и достает из нее фотографию: сгорбленное под тяжестью позднемартовского снега дерево, снятое за несколько недель до их женитьбы. Тони легко вспоминает тот день. И тот самый момент. С синапсами у него все в порядке; и нейроны его мозга беспрепятственно взаимодействуют друг с другом. Сделав этот снимок, он помог потом Лауре снести толстый слой снега с ее фольксвагена «Жука». Они смеялись, Бросались друг в друга снежками. Было это спустя месяц после очередного выкидыша у Лауры, и она изо всех сил пыталась храбриться. Но они оба понимали: не случись у Лауры выкидыша, они бы гуляли уже втроем, и Лаура бы не бодрилась натужно, а была бы по-настоящему счастлива.

Тони убирает фотографию и поворачивается к коробке с документами на их дом. Вот акт по межеванию, вот сведения о недвижимости... экологическая экспертиза... и, наконец, копия свидетельства о праве собственности. Все документы на месте. Все в порядке. А разве могло быть иначе? Что себе надумала Лаура? Тони фотографирует бумаги на телефон и посылает ей фото с смс.

Лаура подозревает, что женщина, которую он окрестил Джеммой, могла проживать здесь какое-то время в прошлом. Она обсудила с ним такую возможность, пока Джемма была в ванной. Это объяснило бы ее тревожащее знание их дома.

Предыдущие хозяева передали Лауре пакет старых документов на дом, покоящихся теперь на дне коробки, и список его владельцев до них. Любопытство подвигло этих людей провести целое генеалогическое исследование и воссоздать историю дома вплоть до 1780 года, когда он был построен. Тони отыскивает список имен и быстро пробегает их глазами... Не стоит отправлять его снимок по телефону Лауре.

5

– Мы переехали сюда месяц назад, – рассказывает Лаура, пока мы идем по дороге вниз в сторону паба. – Мы снимали жилье в деревне почти год, дожидаясь, когда этот дом выставят на продажу.

– Дом старинный, – говорю я.

– Да, полагаю, восемнадцатый век. Тони очень хотел его приобрести – стать владельцем кусочка английской истории.

Мы проходим мимо молодой парочки, толкающей перед собой дорожную коляску. За ними петляет на деревянном беговеле еще один ребенок. В «Агнце Божьем» на углу главной улицы полно посетителей; на асфальт то и дело вываливаются перебравшие выпивохы. Тони остался дома готовить ужин к нашему возвращению – вдруг я захочу с ними поесть.

– А вы знаете, кто жил в этом доме до вас? – спрашиваю я.

– Молодая семейная пара с ребенком. Он – служащий «Водафона» и был вынужден переехать в связи с изменением места работы. А она была учительницей в начальной школе.

– Значит, не я, – говорю я, криво улыбаясь.

– Мы с Тони думали о такой вероятности. Будь этот дом раньше вашим, все было бы гораздо проще.

Мы подходим к местной больнице – сверкающему новому зданию со стеклянным фасадом, крыльцом со ступеньками и наклонным пандусом, ведущим к главному входу. Такое здание может быть только медицинским центром, обителью врачей, дезинфицирующих средств и острых инструментов. В животе у меня узлом скручивается напряжение. Мой разум как птица, которая ищет открытое море и время от времени приземляется на крохотные островки памяти.

– Может быть, вы жили в этом доме, когда были намного моложе? – спрашивает меня Лаура, когда мы поднимаемся по ступеням. – Вы явно чувствуете какую-то связь с ним.

– Я просто осознала, что должна сюда вернуться, – говорю я, присаживаясь в приемной.

– У нас на чердаке хранится список всех старых владельцев. Мы можем проверить, есть ли в нем ваше имя – когда вы его вспомните.

Пока Лаура набирает на экране компьютера дату своего рождения, чтобы дать знать врачу о своем прибытии, я беру со столика журнал.

Это старый экземпляр «Загородной жизни», полный фотографий красивых сельских домиков и коттеджей с плетистыми розами у дверей. Мне становится неуютно. Я чувствую себя отрезанной от остального мира и ужасно одинокой. Что я здесь делаю, сидя в больничке сельской Англии?

– Прошу прощения за беспокойство, – раздается надо мной мужской голос. Его тон неуверенный, колеблющийся.

Я поднимаю глаза. Мужчине под пятьдесят, может быть, больше. На нем кремовый льняной костюм, белая рубашка без воротника и галстука и поношенные коричневые замшевые ботинки. Через плечо перекинута желто-коричневая курьерская сумка. Я никогда не видела его в своей прежней жизни – по крайней мере, думаю, что не видела.

– Мы знакомы? – продолжает мужчина.

Я мотаю головой, мое замешательство очевидно. Этот парень что, клеится ко мне?

– Ох, ради бога, извините, – говорит мужчина, глядя на меня со смущением и смятением. – Похоже, я обознался.

– Люк, – обращается к мужчине Лаура, поспешно присоединяясь к нам.

– Лаура, я тебя не заметил, – целует он ее в обе щеки. – Твоя подруга показалась мне знакомой, – с губ мужчины слетает нервный смешок. Но, похоже, он находит нашу встречу совсем не смешной. – Из давнего прошлого, – добавляет он и замолкает.

Лаура смотрит на меня, тщетно пытаюсь отыскать на моем лице проблески воспоминаний. Я отчаянно силюсь их пробудить, но все напрасно. Я совсем не узнаю собеседника.

– Извините, что разочаровала вас, – говорю я ему. Даже в смятении у Люка очень приятная улыбка, и на какой-то миг я ловлю себя на том, что мне очень хочется оказаться его знакомой.

– Вам не за что извиняться, – говорит он.

В разговоре возникает пауза. Ожидая, когда Лаура нас познакомит, Люк смотрит на нее, а потом снова переводит взгляд на меня. Едва наши глаза встречаются, улыбка слетает с его лица. О чем он думает?

– Я ошибся, – добавляет Люк более тихим голосом, заполняя неловкую тишину. – Забавная вещь – эта память.

Люк отходит, а Лаура садится рядом со мной.

– Неловко получилось, – говорю я, беспокойно заерзав в кресле.

– Я не могла вас познакомить, потому что...

– Я знаю, все в порядке...

– Я, было, подумала, что мы разрешили вашу загадку, когда Люк сказал, что узнал вас.

– Я тоже, – говорю я, откидываясь на спинку кресла. – Может, я действительно его знаю?

Мне показалось, он – хороший человек.

– Люк? Он замечательный!

– Лаура Мастерс? – выкликает голос из глубины коридора.

– Это нас, – говорит Лаура, вставая. – Люк – журналист. Он написал статью о местном приходском священнике, запретившем от имени церкви мои уроки по йоге, потому что они «коренятся в индуизме».

– Не больно-то по-христиански, – говорю я.

– На самом деле священник не хотел, чтобы его обвинили в поддержке «альтернативного мировоззрения». Не удивительно, что к нему в церковь больше никто не ходит.

В тот самый момент, когда мы с Лаурой выходим из приемного отделения, сбоку от меня снова вырастает Люк.

– Прошу прощения, я забыл дать вам вот это, – говорит он, протягивая мне маленькую визитку.

– Спасибо, – говорю я, обескураженная его вниманием.

– Это так, на всякий случай.

6

Когда мы заходим в кабинет доктора Сьюзи Паттерсон, у Лауры жужжит мобильник. Она взглядывает на его экран, и, усаживаясь на один из двух пустых стульев, показывает мне текст сообщения от Люка:

«Кто эта новая женщина? Она мне показалась до странности знакомой».

Мы обе улыбаемся, хотя на самом деле его интерес заставляет меня нервничать. Я сажусь на другой стул и осматриваюсь. Невыносимая, гнетущая чистота в кабинете напрягает меня еще сильнее; в груди все сжимается. У одной стены стоит кушетка, покрытая белой бумажной простыней. А на столе, как столовые приборы, разложены медицинские инструменты. Я отвожу глаза в сторону, заламывая от волнения руки. В уме я представляла себе этот кабинет гораздо более безобидным. Я заставляю себя поднять глаза.

– Спасибо тебе, Сьюзи, за то, что так быстро нас приняла, – благодарит Лаура.

– Да пожалуйста, – отвечает доктор Паттерсон. На вид ей пятьдесят с небольшим. Держится уверенно, скорее учтиво, чем напыщенно. Серьезная. Одета в облегающий темно-серый джемпер; на шее скромная нитка жемчуга. Со слов Лауры, она в этой больнице лишь временно

замещает отсутствующую коллегу, а раньше работала врачом общей практики в Девицесе. И я подозреваю, что они со Сьюзи – хорошие приятельницы.

– Спасибо вам, – добавляю я от себя.

– Расскажите мне, что случилось, когда вы впервые осознали, что не можете вспомнить, как вас зовут.

Я повторяю ей все, что уже говорила Лауре и Тони.

– Это так тяжело – ничего о себе не знать, – признаюсь я.

– Могу себе представить, – кивает доктор Паттерсон.

– Я пытаюсь что-либо вспомнить, но в моей голове одна пустота.

Я стараюсь говорить ровным голосом, но мои ноги предательски дрожат.

– Вы не смогли ничего рассказать сотруднику бюро находок?

– Ничего. – Я замолкла, думая о встрече с Люком в приемном отделении. За кого он меня принял? – Наверное, будет проще, если вы станете называть меня Джеммой.

– Джеммой? Почему именно Джеммой?

– Мне нужно какое-то имя и...

– Тони показалось, что ей подходит это имя, – нервно смеясь, поясняет Лаура.

– А вы, – обращается ко мне доктор Паттерсон. – Что вы о нем думаете?

– Нормальное имя. На время сгодится... – пожимаю я плечами; мне же нужно как-то зваться.

– Как вы себя сейчас чувствуете?

Я глубоко вздыхаю:

– Потерянной, оторванной от реальности... одинокой... напуганной.

Доктор Паттерсон откидывается на спинку стула и устремляет взгляд в монитор компьютера на рабочем столе. На стене за ней висит большая карта мира, отображающая рекомендуемые прививки в различных странах. Южную Индию – дифтерия, гепатит А, столбняк, тиф – частично заслоняет ее голова.

– В вашей ситуации чувствовать такое совершенно нормально, – говорит она. – А ваше ощущение оторванности от реальности может вылиться в дальнейшем в отчаяние и депрессию.

– Не знаю, что бы я делала, если бы не встретила Лауру, – говорю я, снова чувствуя себя виноватой перед женщиной, которая, совершенно меня не зная, проявляет ко мне такое участие.

Покосившись на Лауру, доктор Паттерсон снова переводит взгляд на меня.

– Мы говорили с ней ранее по телефону о различных видах амнезии. В большинстве случаев провалы в памяти, как у вас, проходят довольно быстро, иногда через несколько часов. Если ваше состояние не улучшится, нам придется провести пару тестов, чтобы установить, не является ли его причиной травматическое поражение головного мозга. Нам нужно будет также исключить другие органические причины – такие как инсульт, отек мозга, эпилептический приступ, энцефалит, заболевания щитовидной железы или даже дефицит витамина В. Рекреационные психоактивные препараты и алкоголь тоже могут приводить к потере памяти. Но я полагаю, что у вас так называемая психогенная, или диссоциативная амнезия. А одной из основных ее причин является стресс.

Я сижу на стуле, сознавая, что по тротуару за окном проходят люди. До чего же досадно выслушивать о себе подобные медицинские рассуждения.

– Хотите воды? – предлагает доктор Паттерсон, уловив мое состояние. Я киваю, наблюдая, как она наполняет стакан водой из пластиковой бутылки и протягивает его мне.

– Давайте-ка я измерю вам давление, – поднимается со своего стула доктор Паттерсон. – Мне нужно послушать ваше сердце, проверить ваше дыхание.

Она продолжает говорить, надевая мне на руку манжету и застегивая ее на липучку. А потом начинает накачивать в нее воздух. Я пытаюсь расслабиться и дышать глубоко и ровно.

– Вы знаете, какое сегодня число? – спрашивает доктор Паттерсон. Я мотаю головой. – А какой сейчас месяц? Год?

– Извините, – говорю я. До чего же все это тяжело...

– А где мы находимся?

Я снова покачиваю головой. И слышу в ушах голос Флер.

Мне хочется только одного – свернуться калачиком в постели и заплакать.

– Давление почти в норме, – говорит доктор Паттерсон, расстегивая липучку манжеты. – Мне нужно еще провести короткий неврологический осмотр.

Мои руки напрягаются, когда она берет со стола стетоскоп. Послушав мое сердце, доктор Паттерсон проверяет мою координацию движений, равновесие, движение глаз и поле зрения, светит фонариком мне в зрачки и проверяет тонус лицевых и шейных мышц. А затем берется за свой офтальмоскоп. Перед моими глазами мелькает и исчезает ее белый халат.

– Я только обследую состояние вашей сетчатки, – говорит доктор Паттерсон, заметив, как я вздрагиваю. – И проверю, не повышено ли у вас внутричерепное давление, – продолжает она, приблизив почти вплотную свою щеку к моей. – Вроде бы все нормально.

Доктор Паттерсон снова усаживается на стул и кладет свой инструмент на стол. Я на секунду задерживаю на нем свой взгляд, а потом отвожу глаза в сторону.

– Некоторые люди переживают антероградную амнезию. Это состояние, при котором человек не способен сформировать новые воспоминания. Он помнит, что было в прошлом, до того события, которое спровоцировало расстройство памяти, но ничего из того, что происходило потом. Давайте посмотрим, что вы сможете вспомнить завтра, после того как хорошенько выспитесь.

– Что вы имеете в виду? – уточняю я.

– Возможно, вы забудете все, что происходило сегодня.

Сьюзи Паттерсон бросает взгляд на Лауру.

– Еще одной типичной формой амнезии является ретроградная амнезия, когда человек не может вспомнить ничего из того, что было до события, вызвавшего потерю памяти: подробности автобиографии, свое имя, адрес, семью, друзей и тому подобное. Вы в состоянии формировать новые воспоминания. И я склонна думать, что у вас именно такая форма амнезии.

– Но ей же станет лучше? – спрашивает Лаура.

– На данном этапе сложно делать прогнозы, – говорит мне доктор Паттерсон. – Я настоятельно рекомендую вам пройти еще ряд обследований, в частности, МРТ головного мозга. Если амнезия вызвана стрессом, она пройдет, но не сразу. На полное восстановление памяти потребуется время. Возможно, у вас диссоциативная fuga. Это временное расстройство идентичности, сопровождающееся незапланированным путешествием, смятением и утратой памяти. Сейчас вам необходимо расслабиться, может быть, даже позаниматься йогой с Лаурой. Думаю, она уже предлагала вам это?

Лаура, улыбаясь, кивает.

– Почему бы нет, – пробормочу я. От доброты Лауры мне хочется расплакаться.

– Не думаю, что вам необходимо лечь в больницу прямо сейчас – даже если и имеются свободные места, а я подозреваю, что их нет. Единственный доступный вариант – провести ночь на койке в коридоре отделения экстренной медицинской помощи.

– Мне бы этого не хотелось! – восклицаю я.

– На прошлой неделе там было ужасно, – встревает Лаура.

– У вас лишь немного повышено давление, – продолжает доктор Паттерсон, не обращая внимания на реплику подруги. – Это закономерно, зато дыхание ваше чистое и я не нахожу никаких признаков, указывающих на наличие у вас инфекции. Ты действительно готова приютить ее у себя на эту ночь? – обращается Сьюзи к Лауре.

– Да без проблем, честное слово, – отвечает Лаура.

Как бы мне ни было неловко перед Лаурой, но спать в ее доме гораздо приятнее, чем в больничном коридоре.

– Скажу прямо: мне бы хотелось для начала исключить все возможные органические причины вашей патологии, но психиатр сможет осмотреть вас только завтра. И нам с вами везет – у нее открыта запись на девять утра. Подойдет?

Я киваю, взглянув на Лауру; та улыбается мне в ответ.

– В большинстве подобных случаев семантическая память не нарушается. У человека сохраняются общие представления, понимание, что происходит, способность воспринимать слова и различать цвета, устанавливать взаимосвязи. И я не предполагаю у вас каких-либо других когнитивных нарушений. Риска для жизни нет.

– Я сообразила, что делать с билетом на поезд сегодня, – если вы это имели в виду, – говорю я.

– Если у вас есть время, – продолжает доктор Паттерсон, глядя на Лауру, – прогуляйтесь сегодня по деревне. Постарайтесь максимально расслабиться, дайте своему расщепленному сознанию перенастроиться. Зачастую требуется лишь импульс, знакомое лицо, чтобы память начала возвращаться. Может, вам стоит поучаствовать сегодня вечером в пабной викторине. Как знать, может, вас кто-нибудь здесь и узнает. И тогда все проблемы разрешатся сами собой очень быстро.

– Она вспомнила планировку нашего дома, – снова вмешивается в разговор Лаура.

– Правда?

– Да, комнаты на втором этаже и душевую в уборной внизу – до того, как увидела их.

Доктор Паттерсон вскидывает на меня взгляд, а затем, в глубокой задумчивости, устремляет его в монитор.

– Мы даже засомневались, а не жила ли она здесь, и вправду, раньше, когда-то давно, – добавляет Лаура.

– Обычно при ретроградной амнезии такие эпизодические воспоминания утрачиваются, – замечает доктор Паттерсон. – Но иногда пациенты способны вспоминать вещи из очень отдаленного прошлого.

– Может, так оно и есть, – говорит мне Лаура. – Возможно, вы жили в этом доме ребенком.

Доктор Паттерсон либо пропускает мимо ушей предположение Лауры, либо предпочитает его проигнорировать.

– Как бы там ни было, у нас в отделении зарегистрировано три Джеммы... – говорит она, поворачиваясь от монитора ко мне.

Мы с Лаурой вскидываем глаза, пораженные внезапной переменой в выражении ее лица. От открытости и оживленности Сюзи не осталось и следа, пока она прокручивала колесо мышки.

– Что такое? – спрашивает Лаура.

Я впериваю взгляд во врача, опасаясь слов, способных сорваться с ее языка.

– Ничего, – говорит Сюзи Паттерсон и снова поворачивается к нам – растерянная, все еще обдумывающая то, что только что прочитала.

И мы обе понимаем, что она лжет.

7

– Мне кажется, я могла зваться Джеммой, – говорю я, когда мы возвращаемся из больницы под лучами вечернего солнца. – Хотя и не понимаю, как Тони мог догадаться.

В церкви через дорогу практикуются звонари; их перезвоны разливаются друг за другом, все время понижаясь в тональности.

– Это имя вам подходит, – отзывается Лаура. – А Тони мастерски отгадывает чужие имена. Даже удивительно, как ему это удастся.

– А вы когда-нибудь участвовали в викторинах в пабе?

– Это не по мне. А вот Тони буквально одержим ими. Ему только сорок, но он живет в страхе – перед болезнью Альцгеймера. Его отец от нее умер. И викторины служат для него хорошим способом тренировки ума и памяти, помогают поддерживать мозг в тонусе. Хотя Тони никогда в этом не признается. Он не любит говорить на эту тему, – усмехается Лаура. – К тому же Тони обожает петь.

– Петь?

– После викторин в пабе обычно устраивают музыкальные вечера. По правилам, команда-победитель выступает первой. Тони никто не может остановить. Тем более, я. Пение – его страсть.

– А вам не нравится, как он поет? – посмеиваюсь теперь уже я. – Его голос не так хорош?

– Пусть ваша близость не будет чрезмерной...³

– И пусть ветры небесные пляшут меж вами, любите друг друга, но не превращайте любовь в цепи, – в удивлении вскидываю я глаза на Лауру: я продолжила стих, даже не задумавшись!

– Видите – ваша память работает!

Мы останавливаемся напротив церкви, собираясь перейти дорогу. И, помолчав, Лаура добавляет:

– Когда-то Тони проводил довольно много времени, фотографируя разные музыкальные коллективы. Он очень хотел петь в одном из них. Его отец тоже пел. В последние месяцы жизни. Ему казалось, что пение облегчает симптомы болезни Альцгеймера – если такое, конечно, возможно.

Мы обходим по дорожке кладбище и спускаемся вниз, через заливной луг, к железной дороге, бегущей параллельно каналу. На подъездных путях стоит поезд с двигателями, работающими на холостых оборотах. Мы перебираемся через рельсы, и Лаура показывает мне склон, куда они с Тони ходили кататься на санках в свой первый уикенд в деревне.

– У вас есть дети? – срывается у меня с языка вопрос. И я тут же о нем сожалею. Церковные колокола за нашими спинами мгновенно теряют свой ритм, неловко ударяясь друг о дружку. В безукоризненно чистом доме Лауры и Тони не было никаких следов присутствия детей.

– Мы пытались, – говорит Лаура.

– Извините, мне не следовало вас спрашивать об этом.

– Все нормально. Мы и сейчас не оставляем попыток.

Мы идем дальше вдоль канала, мимо вереницы пришвартованных моторных лодок. По их бокам свешиваются цветы – как венки на «королевах мая»⁴.

– Я понимаю, что мой встречный вопрос прозвучит нелепо, – произносит Лаура, – но как вы думаете – у вас дети есть?

Я задумываюсь:

– Даже не знаю, что бы могло навести меня на правильный ответ.

– Обвисшие груди и постоянное ощущение усталости и вины? – предполагает, смеясь, Лаура. – По крайней мере, так говорят мамы в моем классе.

Наш разговор прерывается, когда Лаура показывает мне продуваемый всеми ветрами деревянный барак, в котором она дает уроки йоги. «Интересно, – проносится у меня в голове, – думает ли она о Сьюзи Паттерсон и о том, что та увидела на экране своего монитора?» Ведь

---

³ Цитата из стихотворения Джеброна Халиля Джеброна «Пророк».

⁴ Девушка, избранная за красоту «королевой» на первомайских народных играх в Англии, коронуется венком из цветов.

что-то явно взволновало докторшу, лишило ее профессионального спокойствия. На обратном пути по главной улице мы останавливаемся у кафе.

– Это заведение Тони, – поясняет Лаура. – Предмет его гордости и радости. Он всегда мечтал стать владельцем собственного веганского кафе в нью-йоркском стиле и развесить там свои снимки. Мы купили его пару месяцев назад.

Я поднимаю глаза на вывеску: кафе-галерея «Морской конек». В передней части заведения находится линия раздачи блюд со стеклянными стойками, а в глубине кафе стоит несколько столиков со стульями, и стены украшены большими фотографиями в рамках.

– Раньше тут располагалась деревенская лавка, – говорит Лаура.

– Это снимки Тони? – спрашиваю я, вглядываясь сквозь оконное стекло в фотографии, развешенные на задней стене.

– Тони любит морских коньков.

– Мне этот дом незнаком, – говорю я, норовя побыстрее двинуться дальше. – Здесь всегда была лавка?

– Когда-то, но очень давно, тут находилась деревенская пекарня. Не припоминаете?

Я мотаю головой:

– Единственное место, которое мне показалось с виду знакомым, это – паб.

– И наш дом.

– И ваш дом, – тихо повторяю я, останавливаясь посреди улицы, чтобы оглянуться по сторонам. – Мне просто хотелось бы знать, почему я приехала именно сюда. Кто я...

Силясь участливо улыбнуться, Лаура нежно дотрагивается до моей руки, а потом устремляется вперед. Мне тяжело, но и ей нелегко. Шутка ли – незнакомая женщина заявляется к тебе на порог, утверждает, что это ее дом, потом плюхается в обморок и ничего о себе не помнит.

Когда мы сворачиваем на дорогу, ведущую к школе, у меня снова подсказывает адреналин – я вспоминаю момент, когда постучала к ним в дверь. И озираюсь, пытаюсь переключить внимание. Наверху, на крыше, работает кровельщик; на обочинах дороги лежат соломенные снопики.

– Лаура, а вы уверены, что мне будет удобно заночевать у вас? – спрашиваю я. – Мне показалось, что Тони немного...

– Конечно, удобно. Тони очень хочет вам помочь. Как и я.

– Как долго вы уже вместе?

– Мы поженились в прошлом году. Через полгода после знакомства. Бурный роман.

– И «белая свадьба»⁵?

– Не совсем, – улыбается Лаура. Мимо нас проходит компания; похоже, она спешит в паб на викторину.

– Извините, мне не следовало этого спрашивать, – неспособная обсуждать свое прошлое, я, похоже, начинаю проявлять чрезмерное любопытство к личной жизни других людей.

– Все нормально. Свадьба получилась замечательной. Я всегда мечтала о традиционном бракосочетании. Но Тони все устроил по-другому.

– И как же?

– Он же свадебный фотограф. По крайней мере, был им. И повидал слишком много скучных, бездушных, напыщенных свадебных церемоний, чтобы пожелать такой же для себя. Он отвез меня на поле в Корнуолле с видом на залив Верьян-Бей. Я родилась в тех местах. Это было так романтично! Мы обвенчались в старой каменной береговой сторожевой башне – под взглядами всего двух десятков друзей. И вечер провели, попивая вино и танцуя среди стогов сена и новорожденных ягнят, под лучами заходящего за море солнца.

---

⁵ Идеальная американская свадьба со всеми ритуалами.

Удивительно, но воспоминания Лауры вызывают во мне невыносимую грусть. Я с трудом ее преодолеваю.

– Звучит как волшебная сказка, – говорю я. – И по крайней мере, ягнята были в белом.

Лаура смеется. Мы подходим к входной двери, у которой я грохнулась в обморок. И тут она останавливается.

– Я заметила у вас очень красивую татуировку, – признается она.

– Спасибо за комплимент, – бормочу я, глядя на свое тату так, словно вижу его впервые.

– А почему цветок лотоса? – интересуется Лаура, вставляя в замок ключ.

Я моргаю, и всплывшая перед моими глазами Флер ухмыляется.

– Не знаю...

А мне так хотелось бы это знать! Глубоко вздохнув, я захожу вслед за Лаурой в дом.

8

Тони готовит ужин на кухне, накрыв возле острова маленький столик на три прибора. Из колонок аудиосистемы «Боуз» разносятся звуки фортепьянного концерта, зажженные свечи источают нежный аромат, а на диване посапывает персидский голубой кот. Атмосфера пропитана домашним уютом, но я почему-то сильно нервничаю из-за того, что мне пришлось вернуться в этот дом. По плану нас ждет ранний ужин, а потом Тони должен пойти в паб на викторину.

– Как прошла консультация в больнице? – спрашивает он.

– Сюзи нам очень помогла, – отвечает за меня Лаура.

Она хочет как лучше, но мне нужно самой поддерживать разговор. Мой голос звучит не так громко и уверенно, как мне бы хотелось:

– По-видимому, у меня диссоциативная фуга.

– Интересно, – Тони берет фарфоровый кувшин с водой, сделанный в форме лосося, танцующего на хвосте. Он наливает из рыбьего рта воду в три стакана и добавляет: – Это, наверное, объясняет ваш приезд сюда. Люди, находясь в состоянии фуги, способны уезжать за тридевять земель из своего дома. И создавать себе совершенно новую идентичность – придумывать новое имя и биографию. Вы все еще помните свое появление у нас сегодня?

– В данный момент помню, – признаюсь я, прикованная к месту звуком булькающей воды.

– Но Сюзи считает, что завтра утром все может измениться, – встречается Лаура.

– Каким образом? – голубые глаза Тони впериваются в меня, и я отвожу свой взгляд.

– Мы узнаем, смогу ли я формировать новые воспоминания или нет.

– Антероградная амнезия, – говорит Тони.

– Тони одержим стремлением контролировать память и ничего не забывать, – поясняет Лаура. Но не упоминает отца Тони и его болезнь Альцгеймера.

– Правда? – переспрашиваю я, ощущая покалывание в голове. Но Тони предпочитает не развивать эту тему.

– Я погуглил, пока вас не было, – говорит он, глядя на Лауру. – Мы будем есть?

Тони подает жареного морского окуня с картошкой и салатом из помидоров и авокадо, приправленным фенхелем. Похоже, Лаура не сожалеет о том, что оставила его хозяйничать на кухне.

– Я не знал, вегетарианка вы или нет. Поэтому выбрал компромиссный вариант с рыбой, – говорит Тони, подавая мне блюдо с кушаньем.

– Я тоже этого не знаю, – шепчу я, перекладывая рыбу себе в тарелку.

– В деревне мужа считают приверженцем жесткого вегетарианства, но дома он употребляет в пищу и рыбу, и морепродукты, – говорит Лаура. – Я не могу жить без морепродуктов.

– Это все любовь, – улыбается Тони. – В нашу первую брачную ночь я ел даже бифштекс.

– Не ел ты его, – смеется Лаура.

– Я шучу, – Тони наклоняется ее поцеловать. – Только не говорите про рыбу посетителям моего кафе.

– Не скажу, – заверяю его я.

Похоже, все сомнения, которые были у Тони насчет меня раньше, улетучились. Он держится теперь совсем иначе, гостеприимно и доброжелательно. Надеюсь, что и в дальнейшем он будет вести себя так же.

– Возможно, блюдо вам покажется необычным, – говорит Тони. Он садится напротив меня, Лаура – от меня справа.

– Не ешьте, если вам не понравится, – добавляет она.

– Рыба выглядит очень аппетитной, – отвечаю я, передавая ей блюдо.

– Где ты покупал окуня, дорогой? – спрашивает Лаура Тони.

– Конечно же, на рынке. Вся рыба поймана на удочку одним рыбаком в Бриксхеме. Для тебя все самое лучшее!

Я начинаю чувствовать себя лишней на их уже не такой «белой» свадьбе.

– Возвращаясь к вашей памяти, – переводит на меня взгляд Тони. – Почему бы вам не пойти сегодня вечером на викторину? Проверить – вдруг вы знаете ответы на какие-то вопросы?

– Я не против, – срывается у меня с языка. Я очень устала, но мне хочется снова увидеть Люка и понять, знает ли он что-нибудь о том, кто я такая.

– Только постарайтесь уйти из паба до начала концерта, – советует мне Лаура.

– Поосторожней, дорогая. А то я запою прямо сейчас, – игриво грозит ей Тони.

– Доктор Паттерсон сказала, что толчком для восстановления памяти может послужить какой-нибудь внешний фактор. Знакомое лицо, например. Может быть, я узнаю кого-либо из посетителей в пабе – или они узнают меня...

– Вот именно, – кивает Тони.

– Предписания врача, – улыбается мне Лаура, прежде чем обернуться к Тони: – И она согласилась называться Джеммой.

– Ну и правильно, – одобряет мое решение Тони.

– Я подумала, что так будет всем проще, – говорю я.

– Разве не я тебе сказал, что ее зовут Джемма? – добавляет Тони, но внимание Лауры отвлекает эсэмэска, пришедшая на телефон, лежащий на столе между нами.

– Извините, – говорит она, взглянув на экран, – это от Сьюзи Паттерсон.

– Я пробовал убедить ее не класть мобильник на стол, – говорит мне Тони с притворным вздохом. – Но разве она послушает?

– Я, пожалуй, прочту, что она написала, – говорит Лаура, аккуратно прокручивая экран телефона.

Мне тоже хочется это прочитать – после той странной перемены, что случилась со Сьюзи в конце приема. И я пытаюсь незаметно скосить глаза на экран. Сообщение длинное, и мне видны только его первые строчки. Но этого достаточно, чтобы внутри у меня все похолодело:

«Будь осторожна со своей новой приятельницей. Мне кажется, я знаю, кто она такая».

Взяв телефон со стола, Лаура бросает на меня подозрительный взгляд. Но я успеваю отвернуться.

– Что там? – спрашивает Тони.

Я умудряюсь улыбнуться пересохшими губами ему, а потом и Лауре. Она не отвечает мне улыбкой на улыбку. Как будто кто-то перекрыл ей кислород, обескровил лицо и стер с него всю доброту, оставив только холодный и тяжелый блеск в глазах.

9

Это было большой ошибкой – пойти на викторину в паб. Из-за эсэмэски, пришедшей Лауре от доктора Паттерсон, я ощутила себя еще более уязвимой, чем прежде. И я совсем не ожидала того, что паб окажется таким шумным и что нас встретят там так бурно. Тони чувствует мое беспокойство. Пока мы прокладываем себе путь к барной стойке, приветствуемые всеми и каждым, он постоянно бросает на меня взгляд, проверяя мое состояние.

Интересно – местные жители уже прослышали про меня? Паб старый, везде кирпич, полы деревянные, на стене над камином висит доска с написанным от руки меню из пицц и пирогов домашнего приготовления. Фирменное блюдо Тони – «Баранина с карри». Единственным знакомым мне человеком среди посетителей оказывается Люк, который, поймав мой взгляд, отворачивается к другому мужчине у стойки.

Тони заказывает две «Кровавых Мэри» – одну для меня, другую для себя, – уточняя ингредиенты с экспертной точностью: три капли острого соуса, щепотка сельдерейной соли, две капли лимонного сока.

– Лаура сделалась какой-то странной под конец вечера, – говорю я, пока он передает мне бокал. И моя рука предательски дрожит, когда я его беру.

– Она просто устала. И немного взбудоражена вашим появлением.

– Что ей написала доктор Паттерсон? – спрашиваю я, стараясь не расплескать свой бокал в дикой толчее. Мне нужно убраться из этого паба. В нем чересчур много народа. Перед глазами мерцает образ из другой многолюдной ночи – образ Флер, танцующей с тысячей красивых незнакомцев и маняще покачивающей руками над головой под пульсирующие звуки музыки. – Надеюсь, ничего такого обо мне, – добавляю я, чувствуя головокружение от воспоминаний, которые исчезают так же быстро, как появились.

Я напоминаю себе, что не смогла бы остаться в доме с Лаурой. Прочитав эсэмэску, она бросилась наверх. Тони последовал за ней, а когда он снова спустился, то вел себя так, будто ничего не случилось. Он держался со мной очень дружелюбно и заботливо и сам вызвался сводить меня на викторину в паб, пояснив, что Лаура решила лечь спать пораньше.

– Войны йогинов, – говорит Тони. – К нам в деревню переехала еще одна преподавательница. Лаура в своем репертуаре – она пытается помочь этой особе, а Сьюзи Паттерсон считает, что она рискует потерять часть собственных клиентов.

Тони просто так добр? Он меня поддерживает? Оберегает? Или я неправильно истолковала прочитанный фрагмент эсэмэски?

– Значит, Тони уговорил вас пойти на викторину, – подходит к нам со своим приятелем Люк. – Извините за то, что случилось сегодня в больнице.

Тони трогает меня за плечо:

– Я отойду на минутку, – говорит он, направляясь к компании в сторонке.

– Все в порядке, – отвечаю я Люку, ощущая вдруг жуткую сухость во рту.

– Вообще у меня хорошая память на лица, – констатирует Люк.

– От ошибок никто не застрахован, – говорит его спутник, приветствуя меня кружкой пива.

– Это мой ирландский друг Шон, – представляет его Люк. – Киносценарист, собиратель конспирологических теорий и самый начитанный человек в нашей деревне, благодаря чему у него чертовски хорошо получается разгадывать вопросы местных викторин.

Запрокинув назад голову, Шон выпивает залпом пиво и, скосив взгляд на дно опустевшей кружки, ставит ее на барную стойку:

– Всякое бывает. Иногда я не могу вспомнить даже свое собственное имя.

Прикрыв глаза, я отворачиваюсь.

– Это потому, что ты всегда торчишь здесь, – говорит Люк, морщась. Похоже, он знает про мою проблему, и ему неловко.

– Не всегда, но так часто, как позволяют мне бумажник и жена.

– Ты еще не женат, – замечает Люк.

– Между прочим, меня зовут Джемма, – перебиваю я приятелей, отчаянно стараясь придать своему голосу бодрой беззаботности.

– Джемма, – повторяет Люк. На мгновение его взгляд задерживается на мне, а потом он встряхивает головой: – Извините, это так странно, но вы действительно напоминаете мне кое-кого.

– Кого? – нервно спрашиваю я.

– Его зазную детства, – вмешивается в наш разговор Шон.

– Он не так выразился, – говорит Люк, снова извиняясь за своего друга.

– Ничего страшного, – говорю я.

– Фрейя, – продолжает Люк. – Ее звали Фрейя Лал.

– Значит, не Джемма.

Люк медленно мотает головой.

– Джемма – это имя, которое мне дали здесь, – поясняю я. – Тони придумал. Я не знаю, как много он вам рассказал...

– Мне звонила Лаура. После нашей встречи в больнице. Если я могу вам чем-либо помочь...

– Надеюсь, что поутру я себя буду чувствовать лучше.

Я вижу, что Люк старательно переваривает мои слова, анализирует полученную информацию.

– Выходит, мне не на ровном месте показалось, будто я вас знаю, – произносит он, рассматривая мою татуировку на запястье. – Возможно, вы были как-то связаны с Фрейей?

Люк снова изучает мое лицо – на этот раз уже гораздо более серьезно. Пристально вглядываясь, он явно ищет признаки моего сходства с Фрейей:

– Никто ничего не слышал о ней с тех пор, как мы окончили школу. Она словно растворилась в воздухе.

– Как Амелия Эрхарт⁶, – едва слышно бормочет Шон, жестом подзывая официантку.

– И вы пытаетесь ее найти? – спрашиваю я Люка, не обращая внимания на подозрительный взгляд, брошенный на меня Шоном.

– Я не думал о ней много лет, – похоже, Люк нервничает, поглядывая на Шона, теперь уже поглощенного разговором с барменшей. – На самом деле, это неправда, – понизив голос, добавляет он. – Месяц назад я расстался со своей подружкой, – делает паузу Люк, но через пару секунд продолжает: – Я не совсем понимаю, зачем вам все это рассказываю. Звучит глупо, но после разрыва я начал искать Фрейю в сети.

– И вовсе это глупо не звучит, – говорю я. Мне нравится Люк, его открытость.

– Мне захотелось вновь встретиться со своим прошлым. Со своим детством. Попытаться вернуть в свою жизнь хоть немного стабильности. Я в последнее время ощущаю себя сорванным с якоря что ли... брошенным на произвол судьбы.

– Мне знакомо это ощущение.

– Конечно. Даже в большей мере, чем мне. Извините. Наверное, такие разговоры не идут вам на пользу...

---

⁶ Амелия Мэри Эрхарт (1897–1937) – известная американская писательница и пионер авиации; в 1937 г. пропала без вести при попытке совершить круговой полет на двухмоторном легком самолете, «Локхид Модель 10 Электра» в районе острова Хауленд в центральной части Тихого океана.

– Жаль прерывать вашу беседу, – подает голос Тони, вернувшийся к нашей компании, – но викторина начнется с минуты на минуту.

Я прохожу вслед за Тони, Люком и Шоном к большому столу в эркере, возле которого нас со всех сторон оглушают возгласы других посетителей. Это всего лишь добродушное подтрунивание, не более того. И Тони с удовольствием парирует шутки. Но мне уверенности они не прибавляют.

– Местная крикетная команда, – сообщает мне Люк. – Тони за нее играет – по крайней мере, пытается. Его потуги, скорее, напоминают удары по мячу бейсбольного бэттера, чем игру защитника калитки. Но они все время выигрывают с тех пор, как к ним присоединились афганцы.

– Афганцы?

– Да, в деревне поселились два брата-афганца, – подтверждает Люк и берет листок бумаги у администратора паба, расхаживающего вокруг столиков как раздающий листовки политик.

– Сколько тут картинок, – перебивает его Тони, забирая листок у Люка.

– Эти братья-афганцы работают на кухне, – добавляет Люк. – У них получаются лучшие пуштунские карри по эту сторону от Кабула.

– И потрясающие крученые подачи в крикете, – говорит Шон. – Вы бы видели их гугли⁷.

Дюк бросает на своего приятеля осуждающий взгляд. Я совершенно не понимаю, о чем они говорят, и пытаюсь подавить вновь возникшее желание уйти из этого заведения, убежать в ночь. Я чувствую себя самозванкой, незваной гостьей, отнимающей время у добрых людей.

– Как вы думаете, что это такое? – спрашивает меня Тони, показывая на одну из картинок. – Здесь изображены дворцы мира.

Я сразу же узнаю белые, похожие на крепостные стены. Какое облегчение! Я ведь так боялась, что от меня на викторине не будет никакой пользы.

– Это дворец Потала в Лхасе, – говорю я. – Жемчужина Тибета.

Тони поворачивается ко мне, сложив губы в одобрительную улыбку:

– Ваша семантическая память работает хорошо.

– А с историей России вы знакомы? – интересуется Люк. – Это тема сегодняшнего бонусного раунда.

– Да помогут нам Иисус, Мария и Иосиф! – восклицает Шон.

– Вы сказали – в Лхасе? – спрашивает Тони. – Потрясающе.

Интересно, что именно его потрясло – способности моей памяти или тибетская архитектура?

К изумлению всех, включая меня саму, мне оказываются известны ответы и на другие вопросы, особенно в финальной части викторины, посвященной России.

– Как это правильно произносится? – уточняет у меня Люк, записывая ответ: «площадь Дзержинского».

Я разглядываю картинку под пристальным взглядом Шона:

– Красивая...

По окончании викторины Люк проверяет наши ответы с Тони и передает их для оценки жюри за другим столиком. Наша команда снова одерживает верх, опередив крикетистов на одно очко.

Люк с Шоном направляются в бар отпраздновать победу, оставляя меня наедине с Тони. Мне приятно его внимание. Только смогу ли я совладать с собой? Мне хочется нравиться Тони, но хрупкое равновесие поддерживать сложно.

– Вы напоминаете мне кого-то, – говорит Тони, глядя мне прямо в глаза. – Только не могу вспомнить, кого именно.

---

⁷ Пряные густые жидкие блюда, распространенные на юге Индии.

– Похоже, моя болезнь заразна, – отвечаю я, силясь улыбнуться. А потом отворачиваюсь. Я не хочу быть с Тони здесь. В этом пабе. В этой деревне.

– На меня это не похоже, – продолжает он. – Я не забываю лиц. Я вообще ничего не забываю.

С этими словами Тони достает маленький цифровой фотоаппарат, «Canon PowerShot» и снимает меня. Я отшатываюсь во время вспышки. Такого я не ожидала.

– Спросите меня через десять лет об этом снимке, и я смогу живописать вам сегодняшний вечер во всех подробностях: кто тут был, кто выиграл викторину и с какой разницей в счете.

– Я не люблю, когда меня фотографируют, – говорю тихо я, пытаюсь сохранить выдержку и спокойствие. А потом вспоминаю рассказ Лауры о страхе Тони перед болезнью Альцгеймера.

– Простите меня, – говорит он, сжимая рукой мое плечо. – Мне удалить это фото?

Я мотаю головой. Теперь уже слишком поздно.

– Надеюсь, вы не жалуете, что пришли сюда, – продолжает Тони, оглядывая бар. – Вам это хоть как-то помогло?

– Это было полезно, – предпочитаю солгать я.

– Опасаетесь, что можете забыть все, что сегодня происходило?

– До ужаса, – Тони даже не представляет себе, до чего я этого боюсь.

– Может быть, вам стоит все записать? Оставить для себя своего рода памятку?

– Я так и собиралась сделать, ночью. На всякий случай, – обвожу я взглядом бар. Администратор паба настраивает микрофон. Отрегулировав уровень его громкости, он вскидывает руку в нашем направлении.

– Ваша минута славы, – говорю я Тони.

Тот кивает и, резко взбодрившись, тянется за футляром с гитарой.

– Слава манит, – срывается с его губ.

10

Лаура поднимается наверх, толкает дверь гостевой спальни и впивается взглядом в чемодан Джеммы. Несколько секунд она раздумывает над тем, чтобы подойти к нему и вывалить на пол все вещи. Но они с Джеммой уже просматривали раньше его содержимое и не нашли ничего подозрительного. Лаура переводит взгляд на постель. На пододеяльнике отпечатался след от тела Джеммы. Должно быть, она прилегла на кровать до ужина. Несчастливая женщина, уставшая, измотанная стрессом... А кто бы чувствовал себя иначе после всего, что ей сегодня довелось пережить?

Она, Лаура, просто себя накручивает! Ей следует взять себя в руки, а не разводить паранойю. Джемма нуждается в ее сочувствии, а Сьюзи Паттерсон наверняка ошиблась.

Лаура протягивает руку к одеялу, но прежде чем ее пальцы дотрагиваются до него, внизу раздается какой-то шум. Что это было? Щелчок? Скрип входной двери? Лаура напрягает слух, но ответом ей – мертвая тишина. На лестничной площадке Лаура снова останавливается и прислушивается. Ничего. Она спускается вниз, уже почти убежденная, что звук ей послышался. Но на кухне почему-то прохладнее, как будто в их маленький дом просачивается свежий воздух. Через открытую входную дверь. Или окно... Лаура проходит в гостиную, распахивает переднюю дверь и окидывает взглядом улицу в обоих направлениях. Ничего и никого...

Вернувшись в дом, Лаура снова проходит на кухню, уговаривая себя расслабиться. А затем замирает, уставившись на кленовый держатель для ножей на буфете. В нем недостает одного ножа. Самого большого – «мужского ножа», как его называет Тони. Где он может быть? Лаура поворачивается к деревянной сушилке. Спокойствие, только спокойствие. Она слишком близко приняла к сердцу слова Сьюзи: *«Будь осторожней со своей новой приятельницей. Я думаю, что знаю, кто она»*. Глубоко вдохнув, Лаура делает полный выдох, пытаюсь затуманить

воображаемое зеркало. Медленное дыхание уджайи – она всегда переходит к этой технике для снятия напряжения и беспокойства; ради нее собственно она и начала заниматься йогой. Лаура поочередно выдвигает кухонные ящики, разыскивая нож с нарастающим отчаянием. Ножа нигде нет. Снова сделав глубокий вдох, Лаура кладет руки на буфет и опускает голову.

– Все нормально? – доносится голос.

Лаура резко оборачивается.

– Господи, как вы меня напугали, – говорит она, глядя на Джемму, вышедшую из ванной комнаты.

– Извините меня, я не хотела. Тони дал мне ключ, чтобы я зашла в дом; он сказал, что вы уже могли заснуть.

– Заснуть? – повторяет Лаура, не в силах подавить сухой смешок. У нее даже в мыслях ничего подобного не было.

– Вы что-то потеряли? – спрашивает Джемма.

– Я всего лишь убирала мытую посуду, – говорит Лаура, вставая спиной к буфету. Она наблюдает за тем, как Джемма заходит на кухню. Движения женщины медлительные, неуверенные. Лауре видны обе ее руки, но ведь Джемма могла спрятать нож. Инстинктивно Лаура бросает взгляд на держатель ножей – вдруг ей придется защищаться другим ножом.

– Вы в порядке? – интересуется Джемма.

В ее глазах Лаура подмечает выражение, уже виденное ею раньше. Холодную отрешенность, как будто Джемма не отдает себе отчета в том, что делает. Может быть, попробовать ее разоблачить? Спросить напрямик?

– Мне и впрямь не по себе, – говорит Лаура, все еще глядя на Джемму как ястреб.

– Что такое?

– Джемма Хаиш, – произносит Лаура.

– Джемма Хаиш? – повторяет вслед за ней Джемма.

– Это вы?

– Я не знаю, Лаура. Я не уверена даже в том, что меня зовут Джеммой.

– Сюзи, доктор Паттерсон, считает, что вы – Джемма Хаиш.

– И что, если это так?

– Джемма Хаиш жила в этом доме. Очень давно.

Джемма медленно кивает. Она что-то вспомнила? Память к ней вернулась?

– Вы можете себе представить, каково это, – говорит Джемма, – не знать, кто ты такая? Чего я только не наслушалась сегодня. Один классный парень по имени Люк, с которым мы повстречались в больнице, сказал, что я похожа на Фрейю Лал, его пропавшую школьную подружку. Тони говорит, что я напоминаю ему кого-то. Только вот кого именно – он не может понять. Теперь вы утверждаете, что я могу быть Джеммой Хаиш, а я этого имени никогда прежде не слышала. И даже не знаю, действительно ли меня зовут Джеммой. Я не имею ни малейшего представления обо всех этих женщинах, Лаура.

Джемма смотрит нерешительно на свои ноги, опускается на стул возле кухонного стола и обхватывает руками голову:

– Извините меня за то, что я заявила сюда сегодня, за то, что вот так ворвалась в вашу жизнь, в ваш дом... И простите меня, если я чем-то расстроила вас сегодня вечером.

– Это мне следует извиниться перед вами, – говорит Лаура, заметив пропавший нож на другом буфете, в котором хранятся письма. Какая же она дура! Тони, наверное, вскрывал им утреннюю почту.

Лаура снова косится на Джемму, ее покрасневшие, воспаленные глаза. И, поддавшись внезапному порыву, подходит к ней и обвивает рукой за плечи. Она ничего не может с собой поделать, невзирая на предостережение Сюзи, невзирая на то, что прочитала сегодня вечером

о Джемме Хаиш. Слишком легко она поддается состраданию. Не этим ли ее все время попрекает Тони?

– Я оставила для вас полотенце, – говорит Лаура, неловко отступая немного назад. – В ванной комнате – вы знаете, где она.

Лаура вымучивает из себя улыбку, побуждая Джемму слегка улыбнуться ей в ответ:

– Спасибо.

– Как прошла викторина? – спрашивает Лаура.

– Мы выиграли.

– Ура! – тихо восклицает Лаура, поднимая оба кулачка с наигранной радостью. Никого из них она не убеждает. – Вы смогли ответить на какие-нибудь вопросы?

Джемма кивает, вытирая нос:

– Похоже, я многое знаю о России.

– А кто еще был в пабе? Люк? Шон?

– И тот, и другой. Шон всегда так пристально смотрит?

– Всегда. Он чудной, но невредный. Оценивает людей, подыскивая персонажей для своего очередного сценария.

– Могу я попросить вас об одолжении? Еще одном?

– Пожалуйста, – отвечает Лаура, заинтригованная тем, что ей предстоит услышать: «Я люблю спать с ножом под подушкой».

– У вас есть бумага? – спрашивает Джемма. – Тони порекомендовал мне записать все, что происходило сегодня. Понимаете...

– Конечно. Бумага лежит вот здесь, – кивает Лаура на маленький буфет, в котором у полки для писем лежит линованный блокнот, и тут же сожалеет об этом.

Джемма подходит к буфету и вырывает из блокнота две страницы с жутким, скрипучим шумом, разливающимся по всей кухне. А положив блокнот на место, переводит взгляд на нож, берет его и оборачивается. Лаура смотрит на нее широко распахнутыми глазами.

– Вы его искали, когда я зашла? – спрашивает Джемма.

У Лауры перехватывает дыхание, она не может вымолвить ни слова. Вид Джеммы со сверкающим лезвием будто загипнотизировал ее. В голове проносится только одно – присланная Сьюзи ссылка на сайт, снимок Джеммы Хаиш и ее отсутствующий взгляд.

– Его место вон там, – наконец, выдавливая из себя Лаура. Она быстро забирает у Джеммы нож и с отвратительным стуком вонзает его в держатель. – А ручка у вас есть? – спрашивает она гостью нарочито равнодушным голосом.

Джемма кивает.

Лаура отворачивается, чтобы достать пару тарелок из сушилки. Ей нужно чем-то себя занять, перевести дыхание, отвлечься от навязчивых мыслей.

– Я поднимусь через минуту, – говорит Лаура. – Спокойной ночи.

Но когда она снова оборачивается, Джеммы на кухне не застает. Гостя уже наверху. И Лауре остается только молить бога о том, чтобы Тони вернулся домой поскорей.

11

Постель у меня чудесная – белые простыни на ощупь как дорогой египетский хлопок. А на крашеную прикроватную тумбочку Лаура положила горстку свежесобранных диких цветов в миниатюрной бутылочке из-под молока. Вот она – доброта незнакомцев! Сама комната выглядит в точности так, как я ранее описала ее Лауре и Тони, – идеальная для ребенка, хотя цвета могли бы быть чуть более приглушенными.

Взяв за исходный эпизод свое прибытие в аэропорт, я начинаю записывать все события уходящего дня: свою попытку заявить о пропаже сумки, путешествие сюда на поезде, встречу

с Лаурой и Тони, посещение больницы, вечерний поход в паб на викторину. Я ни о ком не пишу ничего личного – ведь я уже ощущаю себя «общественным достоянием» и нисколько не сомневаюсь в том, что все записанное мною будет прочитано другими: врачами, полицейскими, специалистами в области психического здоровья. Уверена, у них у всех самые добрые намерения. Но мне необходимо соблюдать осторожность. И на верху бумажного листка я записываю: «Прочитай это, когда проснешься».

Лаура все еще внизу. Она ведет себя со мной довольно странно. То держится подозрительно и опасно, то вдруг проявляет участие и теплоту, приобнимает и пытается утешить. Мы обе видели реакцию доктора Паттерсон в самом конце нашей консультации в больнице. Не заметить ее потрясения было невозможно. Как и потрясения Лауры после получения за ужином эсэмэски. Речь в ней шла не о йоге. Кто же, черт побери, эта Джемма Хаиш?

Я пока еще не слышала, чтобы Тони вернулся из паба. Он велел мне положить ключ под цветочный горшок у входной двери. Меня подмывало остаться в пабе – посмотреть, действительно ли он так плохо поет, как утверждает Лаура. Но моя усталость оказалась сильнее любопытства.

И сейчас мне ужасно хочется спать. Но я переживаю за завтрашнее утро. Что оно мне принесет? Не будет ли оно еще хуже сегодняшнего? Еще более стрессовым? Я должна двигаться дальше, но чувствую себя во власти других людей, зависимой от мнения докторши, от своей собственной памяти. Образы Флер продолжают всплывать перед моими глазами. Но стоит мне ее увидеть, как Флер мгновенно исчезает.

Вот я закрываю глаза, и она опять появляется откуда-то из темноты. Она здесь – сидит на кровати в своей квартире, а ее лицо скрывает книга, которую она читает: еще одно описание берлинского андеграунда техно-музыки. «Флер», – шепчу я, и мои глаза увлажняются слезами. Она опускает книгу, и я громко охаю: ее лицо искажено, рот распахнут в ужасающем крике.

Мозг – сложный, но пугающий механизм, способный помнить многое из того, что мы бы хотели забыть, и забывающий ту единственную вещь, которую нам бы больше всего хотелось запомнить. А потом, с течением времени, он вдруг начинает работать избирательно, словно в автономном нейронном режиме, вызывая ночные кошмары из-за кордона бесплодной пустоты амнезии.

12

Через полчаса я перечитываю все, что написала, и вытягиваю руку, чтобы выключить свет. И именно в этот момент я слышу их разговор внизу. Их голоса приглушены и звучат слишком далеко. Значит, они не прямо подо мной, в гостиной, а на кухне.

Я выскальзываю из постели в хлопчатобумажной пижаме из чемодана и крадучись пробираюсь на лестничную площадку, напрягая изо всех сил свой слух. Насколько я могу судить, Тони защищает меня. Я сознаю это с облегчением. Но Лаура, похоже, склоняется к тому, чтобы выставить меня из их дома, и как можно скорее.

– Мы же не можем взять так просто и вышвырнуть ее на улицу, мой ангел, – говорит Тони.

– Прочти это. Джемма Хаиш заходит в Отделение экстренной медицинской помощи, предупреждая, что способна убить любого. Она умоляет принять ее и осмотреть. Медсестра направляет ее к психиатру на обследование, но та не дожидается осмотра и преспокойненько выходит на улицу. Почему ее никто не остановил?

– Не знаю, мой ангел.

– И глянь сюда: за несколько минут до этого инцидента в больнице Джемма перерезала кухонным ножом горло своей подруге, затем позвонила на 999, также предупредила, что готова прикончить еще кого-нибудь, и попросила о помощи. Но полиция приехала слишком поздно.

Я крадусь ниже по лестнице, отчаянно вслушиваясь в разговор.

– Сьюзи просто посоветовала тебе соблюдать осторожность, – говорит Тони. – У нас нет возможности узнать, она это или нет.

– Я разговаривала с ней весь вечер. Джемме Хаиш сейчас должно быть лет тридцать. Наша Джемма примерно такого же возраста. Двенадцать лет назад, еще студенткой в Лондоне, Джемма Хаиш была осуждена за непредумышленное убийство.

– И где она может находиться сейчас?

– Похоже, этого никто не знает. Освободилась и пропала. Сьюзи также сказала, что она жила когда-то в этом доме. И что у нее диагностировали шизофрению и амнезию.

– Не помню, чтобы я видел имя Хаиш в списке владельцев этого дома.

– Но Сьюзи ничего не выдумывает, Тони. Это все зафиксировано в медицинской карте Хаиш. Карты хранятся в больнице пятнадцать лет.

– И все же из этого не следует, что женщина, заявившаяся к нам сегодня, – никто иная, как Джемма Хаиш.

– Она успела рассказать мне о своей подруге; подруга та умерла. Для меня уже одного этого достаточно. И видел бы ты ее сегодня вечером – то, как она держала кухонный нож...

– Она что-нибудь делала с ним? Угрожала тебе как-то?

– Я восприняла это именно так. Посмотри на эту фотографию.

Молчание.

– Фото размытое, – говорит Тони. – Это может быть она... А может, и нет.

– А как насчет этого рисунка из зала суда?

– По нему судить еще труднее.

– Эта женщина спит в нашем доме! В гостевой спальне наверху.

Кажется, Лаура всхлипывает, но я не уверена. Проходит несколько секунд, пока Тони снова не заговаривает.

– Тут говорится, что Джемма Хаиш училась на художественном. А наша Джемма прилетела из деловой поездки в Берлин. В строгом костюме. Бизнес-леди...

– Каким таким бизнесом может заниматься женщина с татуировкой в виде цветка лотоса на запястье? Я буду спать здесь, внизу, на диване. Пока мы не узнаем наверняка.

– Ну вот еще, ангел мой! В этом нет необходимости, – похоже, Тони моя татуировка не беспокоит.

– Я просто на грани нервного срыва, – признается Лаура. – Ты называешь ее Джеммой, потом приходит эта эсэмэска от Сьюзи...

Я услышала достаточно и на цыпочках возвращаюсь в свою комнату. Но оставляю дверь чуть приоткрытой. Мне не хочется, чтобы кто-то из них услышал ее характерное шелканье. Почему Лаура считает меня Джеммой Хаиш? И что они там с Тони читали? По крайней мере, я теперь понимаю тот взгляд, которым меня смерила Лаура, когда я протянула ей кухонный нож. Она выхватила его из моих рук так, будто разоружала меня. Джемма Хаиш перерезала горло своей лучшей подруге. Я закрываю глаза. Смогла бы я сделать такое? Убить ножом другого человека? Я пытаюсь представить кусок холодного металла в своей руке, гнев или страх, который я должна была при этом испытать.

Я ложусь в постель в тот самый момент, когда Тони поднимается по лестнице наверх. Уж не клаустрофобия ли у меня? Дом кажется мне меньше, чем я поначалу думала; потолок спальни давит на меня. Есть ли у меня время, чтобы закрыть дверь как следует? Тони уже на лестничной площадке. Я все еще лежу в темноте, с закрытыми глазами и колотящимся сердцем. Ну почему я не закрыла дверь? Тони, похоже, остановился, тяжело дыша после подъема по лестнице. А в следующий миг я слышу, как приоткрывается какая-то дверь. Всего на несколько дюймов. Это дверь моей спальни или его? Может, мне закричать?

– Вы не спите? – доносится до меня с порога голос Тони.

Я ничего не отвечаю, притворяясь спящей, лицом к стене. И пытаюсь дышать как можно тише. Но мои губы слишком сильно дрожат. А по щеке скатывается слезинка.

– Добро пожаловать домой, – шепчет Тони.

Мне хочется закричать, но я не могу даже пошевелиться. Что он имеет в виду? Господи, хоть бы Лаура поднялась наверх! Я стараюсь храбриться, но мне чертовски страшно в этом доме.

Я не могу вспомнить свое имя.

13

Вернувшись домой, Люк заглядывает к своим престарелым родителям. Те – уже в третий раз – смотрят по четвертому телеканалу Би-Би-Си передачу о прокладке под Лондоном подземного тоннеля в рамках проекта «Кроссрейл». Недолго поболтав со стариками об их любимых проходческих комбайнах «Аде» и «Филлис», Люк направляется в свой офис в саду. Он больше похож на летний домик, чем на офис, но все-таки обеспечивает Люку возможность спокойной работы – подальше от докучливых просьб его предков, требований восстановить потерянные сообщения электронной почты, найти ключи от машины или «затариться» на неделю продуктами в интернете. (В первый раз, когда его мать попыталась воспользоваться сайтом Waitrose, им прислали восемнадцать банок солнечного грейпфрута; ни больше, ни меньше.)

По крайней мере, он может теперь сполна оценить все, что они делали для него на протяжении стольких лет, помогая в воспитании Майло. Его пятнадцатилетний сын сегодня вечером завис в доме своего приятеля. И Люк точно знает, где он находится, потому что дружит с отцом этого парня в Снапчате, а Майло не отключил локационный сервис в настройках.

Люк включает свой настольный компьютер и снова разыскивает в Фейсбуке старую школьную фотографию. Все девочки на ней в канотье, мальчики – в фирменных кепочках. Он не хотел, чтобы родители покупали ему такую (она стоила дорого, а носить ее потом Люк не собирался). Но родители настояли на своем: нужно же было отметить столь знаменательное событие!

Люк увеличивает лицо Фрейи Лал. Почему он так разоткровенничался сегодня с этой Джеммой? Он очень разволновался, столкнувшись с ней в больнице. Ее голос прозвучал так знакомо. И все же он не узнал ее. А, когда увидел потом в пабе, он словно перенесся обратно в школьные годы. Ее темные выразительные глаза на фоне бледной кожи были точно такие же, как у Фрейи. Но больше всего его поразило не столько физическое сходство, сколько некоторые ее жесты. То, как она заправляла за ухо выбившуюся прядь волос, как наклоняла лицо во время разговора. И еще эта особая мелодичность тончайшего индийского акцента. Впрочем, Люк понимает: возможно, он просто принимал желаемое за действительное, и его стремление подмечать в Джемме подобные черточки подсознательно диктовалось нахлынувшим на него недавно желанием разыскать Фрейю.

Чем больше Люк думает о Джемме, тем настойчивее его преследует одна мысль. Если Джемма не имеет никакого отношения к Фрейе Лал, тогда кто же она – эта загадочная женщина, появившаяся сегодня в их деревне и не помнящая ничего из своей прошлой жизни? И эта татуировка в виде цветка лотоса. Из этого могла бы получиться такая захватывающая история! Отличный кликбейт.

Люк оставил тот мир позади давным-давно. Но до сих пор скучает по нему, хотя все сильно изменилось. Флит-стрит, на которой он работал когда-то, до смерти жены, почти канула в лету. Стандартные методы потеснили технологии Big-Data и поиска информации в «темной паутине», репортеров заменили контент-провайдеры, а места уволенных, вечно пьяных помощников редакторов заняли цифровые аборигены с незамутненным сознанием и нарушен-

ным циркадным ритмом. Майло вырос, ничего не зная о мире без социальных сетей, Гугла или интернета.

Джемма... Женщина без имени и памяти. Это будоражит...

Гудит сотовый телефон Люка. Пришла эсэмэска от Лауры: *«Ты не спишь? Л.»* И значок – «поцелуй».

Люк колеблется, смотрит на часы. На них 00:50 – поздно вато для смс-переписки по понятиям его поколения. Он пытается оправдать ситуацию, но изрядное количество пива, выпитого с Шоном после викторины, прилично затуманило его способность к логическому мышлению. Лаура – женщина с перчинкой, как сказал бы Майло. Но она также замужем за Тони, и, похоже, счастлива в этом браке. Люк был очень счастлив со своей бывшей подружкой Хлоей, но никогда бы не решился завести с ней детей. Ведь он на десять лет старше нее и имеет на попечении сына. Люк пытался объяснить Хлое, что в свои пятьдесят проживает уже совсем иной этап в жизни. Но она не поняла, и они расстались.

Люк набирает ответное сообщение Лауре: *«Я не сплю. Все в порядке?»* И, помедлив, добавляет поцелуй. Строго симметрично. Никакого заигрывания, как опять бы сказал Майло. Люк даже мысленно увидел, как его сын закатывает глаза.

«Набери в Гугле: Джемма Хаши + непредумышленное убийство».

Люк смотрит на новое сообщение. На этот раз в конце него нет значка поцелуя – только суть дела. Слегка разочарованный отсутствием заинтриговавшего его аванса, Люк забивает в поисковик Гугла запрос. Сначала высвечивается короткая история об убийстве, совершенном двенадцать лет назад. Люк прочитывает ее отвратительные подробности и переводит взгляд на нечеткое фото женщины: болезненное, затравленное лицо, но красивое даже в своей невменяемости. Почему Лаура попросила его поискать в Гугле?

Телефон Люка снова гудит. Пришла очередная эсэмэска:

«Выглядит знакомой?»

Люк опять вглядывается в фотографию и выпрямляется в своем кресле. Господи!

«Ты думаешь, это Джемма?»

Люк все еще рассматривает расплывчатое лицо. Трудно сказать, но это могла быть она.

«Сьюзи Паттерсон подумала, что это могла быть Джемма. Она жила в нашем доме до того, как переехала в Лондон».

«А где она сейчас?»

«Спит наверху»

«А ты где?»

«На диване в гостиной».

«А что думает Тони?»

«Что я паникерша. Скорее всего, так и есть. Сьюзи полагает, что Джемма Хаши прошла социальную реабилитацию».

Люк прокручивает результаты поиска и открывает более длинную статью о нехватке мест в специализированных учреждениях и опасностях, исходящих от психически больных людей. В одном отделении Национальной службы здравоохранения за последние пятнадцать лет после выхода на свободу целых восемнадцать пациентов с психическими отклонениями снова совершили убийства. Случай Джеммы Хаши, жившей в их деревне ребенком, задолго до того, как сюда переехали его родители, приводится в качестве примера потенциальной опасности раннего освобождения. После признания ее виновной в непредумышленном убийстве суд постановил поместить Джемму Хаши на неопределенный срок в психиатрическую больницу строгого режима. Сначала она находилась в Бродмуре, потом в Эшуорте. А где она сейчас, никто, похоже, не знает.

Люк вздыхает, вспоминая свой разговор с женщиной в пабе. Она не походила на психотическую убийцу. Совсем не походила. Эта Джемма ему понравилась. Он увидел в ней потерян-

ную душу – такую же, какой отчасти был он сам. Человека, отчаянно нуждающегося в помощи. И совершенно неопасного для окружающих. Правда, ему не приходится спать с ней в одном доме...

Люк набивает ответное послание Лауре:

«Ее выпустили на свободу, так как сочли, что она больше не представляет угрозы обществу. Уверен, все нормально, это не она».

Люк хочет добавить, что его немного покорило такое предположение, – ведь сам он решил, что Джемма могла доводиться родственницей его старой подруге. Но затем раздумывает это писать: «Нет, пожалуй, не стоит!» Пока он оставит эту теорию при себе.

«То же самое сказал и Тони. Мне нужно отвести Джемму в больницу к 9 утра. Но я бы предпочла удавиться».

«Уверен – завтра утром ты будешь чувствовать себя лучше. Выпись хорошенько».

«Вряд ли. И почему мы пустили в наш дом эту незнакомку?!»

«Потому что вы добрые, порядочные люди. Самые добрые во всей деревне. Нам повезло, что вы сюда переехали».

В ответ Лаура присылает Люку один поцелуй. Он медлит. А потом тоже посылает ей поцелуй.

День второй

14

Я смотрю в потолок; сквозь жалюзи в спальню просачиваются лучи утреннего солнца. Несколько секунд я пытаюсь сообразить – где я? Но страха не испытываю, только замешательство. За окном раздается шум трогаящегося поезда. Должно быть, это он меня разбудил. Я поворачиваюсь, чтобы взять с прикроватной тумбочки листки бумаги и сажусь на кровати. «Прочитай, когда проснешься» – написано на первой странице.

И в этот момент сознание возвращается, как будто свинцовый покров окутывал мои плечи. Слова, что я читаю, потрясают меня – жестокое напоминание о том, что я делаю в этой спальне. Лишенные всяких эмоций, мои короткие предложения предстают неприукрашенным свидетельством всего, что случилось, – как дневник ребенка. Я потеряла свою сумочку. Села на поезд. Вечером пошла с Тони в паб на викторину. Я дочитываю свои записи до конца и еще раз перечитываю последнее предложение: «Лаура спрашивает, не я ли – Джемма Хаиш».

Кто такая эта Джемма Хаиш? Почему меня ошибочно принимают за нее? Нужно подготовиться к предстоящему дню. Я замечаю просунутую под дверь записку. В ней – думаю, что рукой Лауры, – написано: «Если вы захотите принять душ, воспользуйтесь тем, что находится в нашей ванной комнате (два душа на первом этаже не работают!). Только сначала включите свет – выключатель снаружи».

Тон довольно дружелюбный. Душ великолепный, как раз то, что мне необходимо. Я запрокидываю голову вверх, стараясь сосредоточиться на всем, что мне нужно сделать. Но мое тело напрягается, когда я думаю о том, что меня может ждать впереди. Я подставляю лицо под струйки воды, позволяя мыслям приходить и уходить. И в очищающем потоке вижу дерево бодхи; с его сердцевидных листьев стекают капли дождя. Я должна оставаться сильной.

Когда я прихожу на кухню на завтрак, и Тони, и Лаура вскидывают на меня глаза.

– Как самочувствие? – интересуется Тони, готовящий кофе на буфете. – Спали хорошо?

Лаура разрезает манго, выкладывая толстые сочные ломтики в чашу с йогуртом на столе. Блока с ножами нигде не видно.

– Нормально, – отвечаю я, поворачиваясь к Лауре. Она избегает встречаться со мной взглядом, возможно, потому что ее глаза красные и воспаленные. По правде говоря, я чувствую себя неважно. Но собираюсь с силами и заговариваю. Тихо и робко: – Я знаю, что называю себя Джеммой... – выдержав паузу, я продолжаю: – Я помню, что прилетела вчера в аэропорт Хитроу и там потеряла свою сумочку, а потом приехала на поезде в эту деревню. И вы оба проявили ко мне доброту и заботу.

Лаура смотрит на Тони.

– Отлично! – произносит она, просияв.

– Да? – уточняет Тони, глядя на меня, а потом на Лауру. – Вы нашли записи, которые сделали вчера? На тумбочке у кровати?

Теперь они оба поворачиваются ко мне. Я едва заметно киваю, мои щеки заливают предательская краснота.

– Значит, вы ничего не помнили, когда проснулись? – спрашивает Лаура, не в силах скрыть разочарования.

– Я узнала свой почерк, когда начала читать исписанные страницы. Но, пока я читала, мне казалось, будто там описана чужая жизнь, – замолчав, я вскидываю на них обоих глаза, а потом заставляю себя продолжить: – Что со мной произошло?

– Все нормально, – говорит Лаура. Она встает из-за стола и направляется ко мне.

Едва она приобнимает меня, на мои глаза наворачиваются слезы. Ну почему она такая хорошая...

– Мы ходили вчера в больницу к доктору Сьюзи Паттерсон, – говорит Лаура, отступая назад. – Вместе, вы и я. Она сказала, что если вы, проснувшись сегодня утром, не вспомните, что было вчера, значит вы страдаете антероградной амнезией.

– Я знаю, – тихо говорю я. – Я прочитала это в своих записях. Думаю, что у меня еще и ретроградная форма, – смахиваю я слезы с глаз. – Я до сих пор не вспомнила свое настоящее имя.

– Транзиторная глобальная амнезия, – говорит Тони, приподнимая брови так, словно он глубоко поражен. – Редкий случай сочетанной амнезии.

Лаура кидает на него строгий взгляд.

– Память вернется к вам, – заверяет она меня. – Не волнуйтесь.

– Дело в том, что при чтении своих записей я просто попыталась запомнить их, представить, как я приехала сюда, в деревню, посетила врача в больнице. Но ни одно из событий, которые я записала, не вызывает у меня никаких эмоций и ощущений. Я не могу вспомнить, что я на самом деле испытывала, когда постучалась в вашу дверь и увидела, как вы ее открываете, – я замолкаю и смотрю на Тони с Лаурой. – Кто такая Джемма Хаиш? – Они оба вздрагивают. – В моих записях говорится, что вчера вечером вы спросили у меня, не я ли – Джемма Хаиш.

– Она страдала амнезией, – отвечает после минутного колебания Лаура.

– И все?

– Нет... она жила в этом доме когда-то. Очень давно. Этот факт мог бы объяснить, откуда вы знаете, где тут что находится.

Я не спускаю глаз с Лауры, пока она быстро обводит взглядом кухню.

– И она была похожа на вас, – говорит Тони.

– Поэтому вы называли меня Джеммой? – спрашиваю я.

– Без понятия, – отвечает Тони. – Просто мне пришло на ум это имя.

– Но вы оба подумали, что я могу быть этой женщиной?

Лаура кидает взгляд на Тони, словно советуясь с ним, а потом признается:

– Да, я так подумала, но сейчас я уже в этом не уверена. Сейчас мы пойдем с вами в больницу – врачи наверняка смогут все прояснить.

– Джемма Хаиш, – повторяю я, наблюдая за тем, как Лаура снова садится за стол. Мне бы очень хотелось ее успокоить, но я не могу этого сделать.

– Будете завтракать? – спрашивает Лаура.

Я присаживаюсь за стол рядом с ней. Лаура отодвигает от меня свой нож, а затем предлагает мне фрукты.

– Что она сделала? – спрашиваю я, угощаясь сочащимся кусочком манго. – Мне правда это нужно знать.

Лаура снова колеблется, обмениваясь взглядом с Тони. И все же решается ответить:

– Она убила свою лучшую подругу.

– Что? – шепчу я, не в силах скрыть своего потрясения.

– Двенадцать лет назад. Ее признали виновной в непредумышленном убийстве и поместили в режимную психиатрическую больницу. Через семь лет она вышла оттуда на свободу. И с тех пор ее никто не видел.

– И она здесь жила? В этом самом доме?

Лаура кивает:

– Она состояла на учете в нашей больнице. Очень давно.

– Мы, правда, не думаем, что вы – это она, – встречается Тони, покосившись на Лауру. – Но, возможно, будет лучше, чтобы за вами понаблюдали специалисты, – откашливается он без всякой надобности: – Простите, но вы больше не можете здесь оставаться. Вместе с нами.

На секунду я встречаюсь с ним глазами, ошеломленная тем, что он только что произнес.

– Мы должны быть в больнице в девять, – говорит Лаура.

На кухне устанавливается неловкое молчание. Я не знаю, что сказать. Они были так добры ко мне, приютили меня на ночь, и я понимаю, что должны быть им благодарной, но... Я не хочу ложиться на обследование в больницу.

– Полагаю, что врачи смогут установить, являюсь ли я Джеммой Хаиш, – говорю я, тщетно пытаюсь разрядить напряженную атмосферу. – Если я не Джемма Хаиш, может быть, я смогла бы остаться у вас еще на...

Лаура и Тони опять переглядываются.

– Извините, Джемма, – говорит Тони. – Мы помогли вам, чем могли. Показали вам деревню, обеспечили ночлег. Теперь о вас пусть позаботятся врачи. С нас довольно. Лаура плохо спала сегодня.

– Это потому что вы считаете меня убийцей?

– Как же все это глупо звучит сейчас, – говорит Лаура, поднимаясь из-за стола, чтобы вымыть тарелки. – Полный бред...

Она готова расплакаться и поворачивается спиной ко мне и Тони, который только пожимает плечами. Идея выставить меня за дверь явно принадлежит не ему. Что ж, это уже кое-что. В следующий миг его голубые глаза снова останавливаются на мне. Прежде чем отвернуться, я заставляю себя улыбнуться ему в ответ. И тут звонит домашний телефон.

Тони встает, чтобы ответить на звонок.

– Слушаю, – говорит он, бросая взгляд сначала на обернувшуюся Лауру, а потом на меня.

Я все еще сижу за кухонным столом. И подмечаю перемену в поведении Тони; он впереворачивает в меня долгий пристальный взгляд, в котором явственно читается одно: я – предмет обсуждения в разговоре, который ведется на кухне. Улыбка слетает с его лица. А потом он выносит телефонный аппарат из кухни, многозначительно приподняв брови и быстро кивнув Лауре. Та выходит вслед за ним. Я превращаюсь в слух, но они разговаривают шепотом. Вроде бы Тони произносит слово «полиция». Но я не уверена.

На кухню Тони возвращается уже один, и это кажется мне странным.

– Звонили из полиции, – говорит Тони, ставя на место телефон.

– Они нашли мою сумочку? – спрашиваю я, напрягаясь.

– Не совсем так, – Тони держится теперь сухо, более отчужденно. Тайная связь между нами исчезла.

– Что они хотели?

– Они направили сюда двух сыщиков.

– А еще что-нибудь они сказали? – стараюсь я не замечать раздражения, сквозящего в его голосе, и стеснения, нарастающего у меня в груди.

– Открылись новые обстоятельства, – говорит Тони, вставая как часовой в дверях.

– Какие? Вы должны мне рассказать, Тони.

Он медлит, прежде чем заговорить:

– Детективы присоединятся к вам в больнице.

Я слышу, как захлопывается входная дверь, и вижу выходящую на дорогу Лауру. А потом она переходит на бег – она напугана и даже не заглянула в окно. У меня внутри все сжимается.

– Похоже, Джемма Хаиш их сильно заинтересовала.

Инспектор сыскной полиции Сайлас Харт смотрит на заливной луг; его взгляд скользит к холму, возвышающемуся над деревней. И в который раз за свою карьеру Харт ощущает чье-то стороннее присутствие – словно кто-то наблюдает за его работой. Инспектор отмахивается от этой мысли и пытается оценить пейзаж. Англия в самом выгодном свете – сменяющиеся, как на коробке конфет, виды причалов и лодок в канале и викторианский душок железной дороги от Паддингтона до Пензанса. Харт делает последнюю затяжку и, затушив сигарету, собирается вернуться в больницу с детективом-констеблем Стровер, поджидающей его у дороги.

Стровер молода и у них в полиции еще новичок, но держит его в тонусе.

Она также не боится проявлять инициативу. И это одна из причин того, почему он поручил ей заниматься этим делом вместе с ним. Уже сегодня утром Стровер заполучила все списки пассажиров, прилетевших накануне до трех часов дня из берлинского Тегеля в Хитроу рейсами «Бритиш Эйрвейз». И попросила пограничную службу сверить имена и фамилии с данными системы предварительной информации о пассажирах и отправить им сканы их паспортов. Благодаря этому они получили возможность увидеть фотографии прилетевших.

– Всегда хотел жить в таком местечке, как это, после перевода из столичной полиции, – признается Сайлас, направляясь со Стровер к больнице. – Маленькая деревушка с пабом, пиво из деревянных бочек...

Стровер хранит почтительное молчание.

– Вы не любительница всего этого? – спрашивает Сайлас, косясь на девушку. Стровер из Бристоля. Ей по душе больше город, коктейли... И она совсем не пытается скрыть свой бристольский акцент, она им гордится, и ему это нравится. Сам Сайлас похоронил свои уилтширские интонации, перейдя на эстуарный⁸ английский во время работы в лондонской полиции, – он не желал прослыть отпетой деревенщиной.

– Я предпочитаю жить там, где немного оживленнее, сэр.

Боже, как же ему хочется, чтобы она перестала обращаться к нему «сэр». Он очень надеется, что со временем она будет называть его «папашей» или «шефом». Все всегда называли его «папашей», когда он расследовал убийства. Он к этому привык. Но после его перевода из отдела по расследованию особо тяжких преступлений в уголовный розыск Суиндона (Сайлас старается не воспринимать это как понижение), его называют не иначе как «сэр», и все свое драгоценное время он убивает на проверку то и дело всплывающих борделей.

Несмотря на свою тягу к сельской глубинке, Сайлас каким-то образом сумел приспособиться к работе в Суиндоне – не без основания считающемся самым отвратительным городом Британии, в котором он по воле судьбы родился и главной туристической достопримечательностью которого и по сей день служит старая карусель.

– Что вам известно о деле Джеммы Хаиш? – спрашивает он Стровер.

– Только то, что я читала, – отвечает та. – Хаиш убила свою соседку по комнате и потом позвонила в полицию.

– Она позвонила нам до того, как совершила убийство, вот в чем проблема. Она предупредила нас, что собирается сделать. Убийства на бытовой почве – поверьте мне, вам лучше избегать таких дел.

С другой стороны, это дело свело его со Сьюзи Паттерсон, когда она практиковала в старой больнице под Девичесом. «Своевременное вмешательство», «заключение судебно-медицинской экспертизы», «межучрежденческое сотрудничество» – от нахлынувших воспоминаний Сайласа пробегает дрожь. Он никогда не питал склонности к корпоративным играм.

---

⁸ Диалект английского языка, на котором говорят в Юго-Восточной Англии.

– Вы думаете, этот случай может быть связан с тем делом? – спрашивает Стровер, когда они переходят дорогу и оказываются под яркими лучами солнца.

– Скорее всего, нет.

Сайлас понимает, что она ему не верит. Он бросил все, чтобы оказаться здесь после того, как ему прошлой ночью позвонила Сюзи. Стал бы он так быстро срываться с места, если бы ему позвонил кто-то другой?

– Загадочная женщина появляется в деревне, не помня ничего о себе и своей прошлой жизни... Обычно это случай для местной бригады психиатрической помощи, – говорит Сайлас, останавливаясь, чтобы взглянуть на небольшие объявления в окошке почты. В основном в них предлагаются двухъярусные кровати и приходящие няни. Коллеги Сайласа проводят предостаточно времени, выполняя «в униформе социальную работу» по реабилитации людей с нарушениями психики и возвращению их из больниц в общество. И не горят желанием заниматься подобными случаями еще и в свободные от работы часы.

Но звонок Сюзи прошлой ночью был совсем другим делом. Она упомянула Джемму Хаиш – имя, которое Сайлас запомнил еще в свою бытность сержантом в южном Лондоне. Это имя он никогда не забудет. Он оказался одним из первых офицеров, прибывших на место преступления – в крохотную комнатку Хаиш в университетском общежитии. Ее соседка по комнате была на последнем издыхании, но он оставался с ней вплоть до приезда сотрудников скорой помощи. А Хаиш, которую никак не удавалось усмирить в коридоре, кричала, как она сожалеет о том, что сделала, и что всего этого можно было бы избежать, если бы хоть кто-нибудь к ней прислушался.

Инспектор с констеблем подходят к больнице.

– На всякий случай я взял старое «признательное» досье Хаиш, – говорит Сайлас, отгоняя от себя воспоминания о криках и стенаниях убийцы. – Хотя вряд ли оно сильно поможет – сведения либо устарели, либо неверны.

– А вам известно, как поступают с людьми, страдающими деменцией, японцы? – спрашивает Стровер, когда мимо них по тротуару проходит мужчина с собакой. – Они помечают их QR-кодами.

– Это следовало бы делать и здесь, – бормочет себе под нос Сайлас, заходя в людную приемную.

Единственная полезная информация в досье Хаиш – это ее ДНК-профиль, взятый в момент ареста. Дождавшись своей очереди, Сайлас подходит к секретарю, которая сообщает ему, что доктор Паттерсон готова принять его незамедлительно.

– Присоединитесь к нам через пару минут, ладно? – обращается Сайлас к Стровер, не в силах скрыть внезапную неловкость. Он не хотел пользоваться служебным положением. Но и не горит желанием объяснять младшей по званию коллеге, что он мечтает трахнуть доктора Паттерсон и хотел бы провести с ней несколько минут наедине. – Старые журналы порой заслуживают того, чтобы их пролистать, – добавляет инспектор, указывая жестом на приемную позади них. – По крайней мере, для меня это единственный шанс удостовериться в том, что мои костюмы все еще модные.

И с этими словами Сайлас разворачивается и уходит прочь по больничному коридору. Стровер бросает ему вслед подозрительный взгляд. Она не дура.

16

– Что-то рановато ты встал, – удивляется Люк, увидев Шона, прогуливающегося у железнодорожной станции со своим псом, рыжевато-коричневым лерчером. Люк стоит в очереди к билетному автомату, собираясь сесть на поезд в Лондон.

– По правде говоря, я еще не ложился, – говорит Шон. В джинсах и мешковатой футболке он выглядит неряшливей, чем обычно. Вразрез с каждодневной однородностью собравшихся пассажиров. – Пытаюсь добить третий акт своей пьесы. Ты как, задержишься в городе?

– Думаю, да, на пару деньков, – Люку не терпится погрузиться в анонимность Лондона, подальше от подконтрольности деревенской жизни.

– О нашей загадочной беспамятной есть новости? – спрашивает Шон.

– Я не видел ее сегодня, – Люк вспоминает эсэмэски, полученные ночью от Лауры, и ее предположение о том, что Джемма в прошлом была психически больной. Сам он пока остается при своем собственном мнении – Джемма каким-то образом связана с Фрейей Лал.

– Я только что встретил пару сыскарей в штатском, – небрежно роняет Шон.

– Где?

– Они шли к больнице.

Люк инстинктивно бросает взгляд в ее сторону, хотя от станции больницы не видно. Несколько опоздавших направляются к поезду.

– С чего ты взял, что это были сыщики? – спрашивает он Шона.

– Узнал одного из них по новостям. Из Солсбери.

Шон всегда внимательно смотрит новости. И всегда в курсе всех событий, происходящих в деревне.

– Это навело меня на кое-какие мысли, – продолжает он. – Ты заметил, как эта Джемма отвечала на вопросы о России на викторине? Она даже знала адрес штаб-квартиры КГБ.

– И что? – Люк скашивает глаза на свои часы и потом снова переводит взгляд на железную дорогу. Его поезд выползает с запасного пути на главный. Люку нравится Шон, но сейчас он совершенно не расположен выслушивать его очередную конспирологическую теорию. Он их наслушался вдоволь: Фидель Кастро – отец Джастина Трюдо; Тейлор Свифт – сатанистка; Хантер Стоктон Томпсон не застрелился, а был убит... А что до атаки с нервно-паралитическим веществом в Солсбери... К чему Шон приплел ее?

– В 2010 г. сотрудники ФБР выследили и арестовали в Америке десятерых советских «спящих» агентов, – рассказывает приятель. – Они сумели глубоко внедриться во все круги американского обывательского сообщества и, затаившись, выжидали, когда Москва сочтет нужным их активировать. Короче говоря, они были дерьмовыми шпионами – ФБР прослушивали и вели их годами. Но я считаю, что их целью была обычная Америка. Эти люди жили в Нью-Джерси, ходили в бизнес-школу при Колумбийском университете и уверяли всех, что родились в Америке.

– Ты действительно хочешь, чтобы я поверил, будто Джемма была русским «кротом»? – бросает через плечо Люк Шону, вводя в билетный автомат свои данные. А потом наклоняется, чтобы сочувственно погладить за ушами его пса. Бедная псина вынуждена выслушивать бредовые теории Шона каждый день.

– После Солсбери они вернулись на свои места. Должны были вернуться. По предписанию Москвы. Старая школа. А эта Джемма оказалась дезориентирована, сбита с толку, она не помнит, кто она такая. Возможно, ее слишком рано пробудили, и она не может сообразить, на кого она работает.

– Запиши все это, Шон, – у тебя получится отличная комедия. Позабавь народ! – Люк достает свой билет из автомата в тот самый момент, когда его поезд подъезжает к платформе.

– Где была предпринята третья и последняя попытка отравить Александра Литвиненко? – кричит Шон вдогонку Люку, заходящему в вагон. – На четвертом этаже отеля «Миллениум» на Гросвенор-Сквер. Кому, мать твою, могли быть известны такие подробности на викторине сельского паба, Люк? Только бывшему русскому агенту, черт подери.

Люк недоверчиво качает головой; и двери поезда закрываются у него за спиной.

17

Я смотрю на Тони, проходящего в холл.

– Разве я похожа на человека, который собирается кого-то убить? – спрашиваю я.

– Они должны исключить эту версию, только и всего, – говорит Тони, забирая с подоконника ключи от дома.

Я пытаюсь соображать быстрее; сердце заходится бешеным стуком. Не нужно было приезжать в эту деревню. Это была ошибка. Если я никому не могу назвать свое имя, как мне убедить их, что я – не убийца?

– Можно я соберу свой чемодан? – спрашиваю я.

Тони кивает:

– А потом я пойду с вами в больницу.

– А куда побежала Лаура? – воспоминание о том, как она пронеслась мимо окна, словно затравленный зверь, не дает мне покоя.

– Повидаться с подругой, – отвечает Тони и, выдержав паузу, добавляет: – Она боится.

– Меня? – этот вопрос, срывающийся с моих губ, звучит до жути нелепо.

Встав перед дверью, Тони ждет, когда я пройду мимо и поднимусь по лестнице наверх. От адреналина мои ноги наливаются свинцовой тяжестью. Я пытаюсь представить себе спальню, в которой спала, вспомнить наружный план дома, одноэтажного сзади. Под окном, над кухней, крыша скатная. Покрыта черепицей и со световым люком.

Я кидаюсь в спальню и бросаю взгляд на свой чемодан. В нем нет ничего нужного мне, так что смысла брать его с собой я не вижу. Зато я забираю с прикроватной тумбочки свои рукописные записи, еще раз пробегаю их глазами, складываю и запихиваю в задний карман джинсов. Мои руки дрожат. Тони все еще стоит у основания лестницы. Я пересекаю лестничную площадку и застываю возле двери в ванную.

– Еще минутку, – кричу я Тони.

Потом с силой тяну за шнур выключателя. Его резной деревянный набалдашник выполнен в виде морского конька. От моего рывка конек начинает быстро вращаться. А у меня при взгляде на него начинает кружиться голова. Решительно встряхнувшись, я с хлестким стуком захлопываю дверь ванной и под дребезжание ее шпингалета на цыпочках возвращаюсь в свою комнату, тихонько прикрывая за собою дверь. Опускное окно открывается более шумно, чем я ожидала. Но я все равно выставляю одну ногу на крышу, отчаянно желая сбежать.

– Что, черт возьми, вы делаете?

Я оглядываюсь и вижу Тони, стоящего в дверях спальни со скрещенными на груди руками. Наши глаза встречаются, и я поворачиваюсь обратно к окну. Малиновка на дереве в саду за домом таращится на меня так, как будто я – самая глупая женщина на Земле.

– Побег вам никак не поможет, – произносит Тони.

Я не двигаюсь с места. Он прав. Я совершила ошибку, потрясенная историей Джеммы Хаиш и тем, что она жила в этом доме. Мне нужно расслабиться, довериться системе.

– Я опасаюсь, что полицейские могут принять меня за нее, – говорю я.

– Послушайте, – говорит Тони, – я терпеть не могу копов, но ваше бегство сейчас будет означать только одно: вы виновны. И вас будут считать виновной энное время.

Я затаскиваю ногу обратно и соскальзываю по подоконнику в спальню. Я сконфужена из-за своей попытки сбежать. Это был неверный ход. Даже малиновка улетела с отвращением.

– Простите меня, – говорю я. – Я не знаю, о чем я думала.

– Не берите в голову. Мы все сбегает от проблем. Только толку от этого чуть.

Атмосфера в комнате вдруг становится тихой, спокойной, интимной. И, когда я прохожу мимо Тони к лестнице, он внезапно преграждает мне путь и обвивает меня руками.

– Иди ко мне...

Я подавляю рефлексивное желание оттолкнуть Тони и позволяю ему удерживать меня в объятиях. Секунду, две, три... А потом высвобождаюсь из его рук. Мое дыхание становится частым и поверхностным. Я молча спускаюсь следом за Тони по лестнице вниз и говорю ему, что мне нужно в туалет. Заперев дверь уборной, я прижимаюсь лбом к ее холодной стене, закрываю глаза и стараюсь представить себе дерево бодхи.

18

– Рад снова тебя видеть, – произносит Сайлас, заходя в кабинет Сьюзи Паттерсон. Подождав, когда дверь закроется, он целует ее в обе щеки. – Хорошо выглядишь!

– Ты тоже, – отвечает доктор, садясь за свой стол. Но Сайлас продолжает стоять, оглядывая кабинет и висющую на стене карту мира. Он любит путешествовать. – Только постройнел, – добавляет Сьюзи, – и сильно постройнел.

До чего же она любезна! Ведь Сайлас отлично понимает – видок у него изможденный, как у человека, слишком быстро теряющего вес. Его кожа, особенно вокруг лица, свисает, как рванные обои.

– Я постился один день и опал как поросенок, – говорит Сайлас. – Сейчас ты меня видишь, – добавляет он, обхватив голову руками, – а сейчас нет, – крутанувшись на пятках, он изгибается как марионетка, вставая к ней боком: – Сейчас ты меня видишь... – повторяет он, снова крутанувшись, – а сейчас нет. Как по волшебству, правда?

– Ты изводишь себя на работе, – говорит Сьюзи.

Сайлас намерен наслаждаться своим новым худощавым видом, пока сможет. А прежним он всегда успеет стать – дай ему полгода.

– Ты все еще куришь? – спрашивает Сьюзи.

– Иногда, – присаживается в кресло Сайлас. Он, на самом деле, пытается бросить.

В последний раз, когда они случайно встретились в баре театра «Уотермилл» в Ньюбери, Сьюзи открыто флиртвала с ним. А вскоре после того до Сайласа дошел слух, что она рассталась со своим мужем. Не потому ли он приехал сегодня в больницу?

– Ты стала счастливей? – спрашивает он Сьюзи.

– Мы – разные люди. Это давно пора было сделать.

– А дети есть? – интересуется Сайлас. – Я забыл.

– Да, дочка. И она ужасно злится на нас из-за развода.

– Со временем она все поймет.

– А как у тебя?

Инспектор на миг замолкает:

– Пока, как и прежде, у меня один сын. Конор... – Сайласу не хочется вдаваться в подробности.

– Полагаю, ты проделал весь этот путь не для того, чтобы поболтать на семейные темы, – говорит Сьюзи, улавливая его дискомфорт.

– А по мне это так заметно?

– Я на самом деле не знаю, это Джемма Хаиш или нет. Это всего лишь подозрение.

– Я люблю подозрения. Женщина, потерявшая память, для нас интереса не представляет – пусть ею занимаются психиатрические службы. Но если она, потеряв в последний раз память, убила свою лучшую подругу, твоё подозрение становится более занимательным.

– А ты действительно ее не помнишь? – Сьюзи знает, что Сайлас работал в столичной полиции (и это одна из причин, по которой она позвонила ему прошлой ночью). Но ей ничего не известно о его личной причастности к этому делу. – Как она выглядела?

Сайлас трясет головой:

– Меня тогда больше волновало, как спасти жизнь ее подруги... Но у меня ничего не вышло.

– Ты пытался. Это главное.

– Возможно, раз ты так думаешь, – Сайлас вскидывает на Сьюзи глаза и улыбается. Он знает, что жизнь той девушки выскользнула и из ее рук.

– Ты можешь хотя бы проверить номер ее паспорта? – спрашивает Сьюзи, меняя тему. – Посмотреть, действительно ли она была вчера утром в Хитроу?

– У Хаиш не было паспорта, когда она совершила свое преступление. И она никуда не отлучалась из Уилтшира до отъезда в Лондон. А уж за границу точно не выезжала, – говорит Сайлас. Как бы глупо это ни было, но он всегда считал себя отчасти виновным в том, что случилось с Хаиш. Возможно, именно поэтому он вскоре после того случая перевелся из столичной полиции и вернулся в Уилтшир – попытаться сделать что-то хорошее, хоть как-то исправить ситуацию. – Все, чем мы располагаем, это описание ее физических характеристик, последняя оценка риска общественно опасного поведения, информация о родственниках и финансовом положении и фотография из полицейского досье. Все эти сведения не обновлялись с тех пор, как она покинула Эшуорт пять лет назад.

– Могу я взглянуть на фото?

– За этим я и приехал к тебе.

– А я подумала, что ты захотел сводить меня на ланч.

Отчаянно стараясь держать свои чувства под контролем и не выходить за рамки рабочей беседы, Сайлас кладет на стол Сьюзи расплывчатый снимок Джеммы Хаиш:

– Это она?

Засевший в его памяти образ Хаиш двенадцатилетней давности уже слишком сильно трансформировался под воздействием медийного освещения трагедии, так что пользы от него мало.

– Не уверена, – колеблется Сьюзи, придвигая к себе фото, чтобы получше его рассмотреть.

– Я понимаю – снимок не ахти какой, – говорит Сайлас. – Мы пытались сегодня утром связаться с ее последним медицинским координатором, а также психиатром, который наблюдал ее постоянно. Пока безрезультатно.

– Я тоже пыталась, – признается Сьюзи. – И тоже впустую.

– Нам бы найти кого-нибудь, кто относительно недавно работал с Хаиш, и провести с ними опознание. Много архивных данных системы здравоохранения тоже потеряны или отсутствуют. Даже не знаю, как ты выдержишь такое.

– Надо думать, что отпечатки пальцев Джеммы Хаиш тоже не сохранились?

– Естественно! – заглядывает Сайлас Сьюзи в глаза, нагнувшись над столом и приблизив свое лицо почти вплотную к ее лицу. – Но мы найдем их. А пока что мне нужно пообщаться с вашей беспмятной Джеммой.

– Она в соседнем кабинете. Я тебя туда сейчас отведу. Только, пожалуйста, будь с ней помягче – она надломлена и очень уязвима сейчас, – Сьюзи на мгновение замолкает, а потом спрашивает: – Ты действительно думаешь, что она может оказаться Джеммой Хаиш?

Сайлас снова садится в свое кресло, рассматривая карту на стене за Сьюзи. Индия – вот куда, он хотел бы еще раз съездить. Он бывал только на севере этой страны – в зоне «Золотого треугольника» и в Ладакхе... Выдержав паузу, Сайлас вскидывает глаза на Сьюзи: – Кем бы ни была эта Джемма, она приехала в вашу деревню не просто так... – помолчав еще пару секунд, Сайлас добавляет: – Двенадцать лет назад кое-кому не удалось достаточно оперативно отреагировать на звонок в службу спасения, сделанный Джеммой Хаиш. Она предупреждала нас, а мы промедлили. Я не хочу, чтобы такая же ситуация повторилась еще раз в мою смену.

Раздается стук в дверь, и на пороге кабинета появляется Стровер. Она переводит пристальный взгляд со Сьюзи на Сайласа, словно выискивая свидетельства интимной связи между ними:

– Простите, что прерываю, но Джемма исчезла.

19

Я должна была вырваться из больницы, чтобы не сойти с ума, чтобы сохранить здравомыслие, если таковое у меня еще осталось. Ноги привели меня на кладбище, расположенное через дорогу. Здесь так тихо – как в библиотеке. А надгробия – словно обложки книг. Некоторые из них – более эмоциональные. За их пылкими посвящениями угадывается жизненная драма, достойная романа: «Дорогой жене, почившей на заре своей будущей жизни». Другие более сдержанные, обдуманные, как традиционные фолианты: «Отцу и брату – нам вас не хватает».

Я брожу среди могильных камней, рассматривая их и размышляя. С той самой минуты, как я пробудилась сегодняшним утром, я чувствовала себя не в своей тарелке. У меня не было ощущения, что я контролирую себя и ситуацию. Этот ранний звонок из полиции; убегающая по улице Лаура, переменчивое поведение Тони. Почему я приняла его предложение называть себя Джеммой? Выбери я себе другое имя, ни у кого бы и мысли не возникло искать во мне Джемму Хаиш.

Я останавливаюсь возле надгробия с надписью: «Мэри Хаиш, любимой жене и матери». Волна эмоций захлестывает меня. Я закрываю глаза и снова представляю себе дерево бодхи; я слышу в его листве шелест теплого ветерка, нашептывающего мне чудесную мантру принятия. И делаю глубокий вздох – внутри меня крепнет надежда: я скоро снова увижу мамочку.

Мне следует вернуться к доктору Паттерсон. Мое отсутствие создаст еще больше проблем. Но мне не хочется общаться с полицейскими. Одна мысль об этом заставляет меня нервничать. Как нервничал Тони, когда отводил меня в больницу. Я старалась не думать о нем, как о «конвоире», но жесты и мимика Тони подсказывали мне, что полицейские ему наказали «не спускать с меня глаз». Я не могу его винить – тем более что незадолго до этого я попыталась сбежать из его дома через окно. Только из этого ничего не вышло. И вообще все запуталось. Через несколько минут после моей попытки бегства Тони обнял меня на лестнице...

Я поднимаю глаза и вижу Сьюзи Паттерсон; она стоит возле покойницы; а рядом с ней топчутся незнакомые мне мужчина и женщина. Наверное, сыщики. Не проходит и минуты, как докторша оказывается рядом со мной. Детективы остаются в пятидесяти ярдах от нас. Сьюзи Паттерсон изучает надгробие Хаиш.

– Должно быть, это ее мать, – бормочет она, скорее, самой себе.

Сдвинувшись с места, я начинаю обходить старые надгробия; многие из них клонятся в высокой траве под разными углами, словно мачты беспомощных суденышек в бурном, бушующем море.

– Вам действительно не о чем беспокоиться, – догнав меня, говорит доктор Паттерсон. – Им нужно всего лишь задать вам несколько вопросов... Взять ваши отпечатки пальцев, сделать ДНК-тест. Один мазок изо рта, и готово.

Все мое тело разом напрягается. Она замечает это или нет?

– Полиции необходимо убедиться, что между вами и Джеммой Хаиш нет никакой связи, только и всего, – продолжает доктор Паттерсон так, будто она тут совершенно ни при чем. – Ведь Джемма Хаиш какое-то время проживала в доме Лауры и Тони.

– Это вы забили тревогу? – тихо спрашиваю ее я.

Удивленная моим вопросом, доктор Паттерсон останавливается и смотрит на меня в упор:

– Я только предупредила их и ничего больше, – пожимает она плечами.

– Я не сделала ничего плохого, – выпаливаю я, поддаваясь внезапному порыву высказаться. – Я – не Джемма Хаиш. И в той могиле похоронена не моя мать.

– Уверена, что так оно и есть, – во взгляде доктора Паттерсон отражается нарастающее беспокойство. – Но поскольку у вас амнезия...

– Возможно, я и не знаю, кто я такая, но я никогда не смогла бы убить подругу. Я никогда никого не смогла бы убить.

В небе над нами кружит красный коршун; легкий ветер разносит вокруг его жалобный крик. Мы обе провожаем птицу взглядом.

– Конечно, вы бы не смогли, – произносит наконец доктор Паттерсон.

Похоже, она добрая женщина, хотя и позвонила в полицию.

Мое дыхание становится частым и поверхностным. Смогу ли я отнять у другого человека жизнь, если до этого действительно дойдет? Смогу ли я перерезать кому-нибудь горло? Непроизвольно я тянусь к запястью и дотрагиваюсь до своей татуировки.

– Я не хочу сдавать ДНК-тест, – говорю я, отворачиваясь от доктора Паттерсон.

– Это не больно. Один мазок изо рта, – твердит она. – Но тест сделать необходимо. Он поможет установить, кто вы такая и откуда.

– Я отчаянно хочу это знать, но... – запинаясь я.

Доктор Паттерсон подает сигнал детективам. Она поднимает ладонь, словно хочет сказать им: «Повремените! Оставайтесь на расстоянии».

– Я не сделала ничего плохого, – повторяю я.

– Дайте мне переговорить с полицейскими. Мы подыщем вам хорошее место в специализированном центре. Или в нашей больнице.

– Только не в больнице, – быстро реагирую я.

Доктор Паттерсон переводит на меня взгляд и замечает, что я все еще держусь пальцами за запястье.

– Прелестная татуировка. Что это? – спрашивает она.

– Цветок лотоса.

– Могу я его рассмотреть?

Я поднимаю к ее глазам запястье, словно ребенок, застигнутый за разрисовыванием себя в школьном классе. Мы обе разглядываем девять пурпурных лепестков лотоса.

– Очень красиво. Когда вы сделали это тату?

– Не знаю, – внезапно я заливаюсь слезами. Если бы я только могла вспомнить все те подробности – почему мы с Флер обе выбрали лотос и что случилось потом... Но это все равно что плавать в темной морской пучине... – У нас обеих была такая, – признаюсь я.

– У вас?

– У меня и у моей подруги, – говорю я и, помолчав, добавляю: – Она умерла.

– Простите меня, – сочувственно говорит доктор Паттерсон и после почтительного молчания уточняет: – Когда это произошло?

Я качаю головой.

– А имя своей подруги вы помните? Это может быть важно.

Я собираюсь с силами. В голове мелькает надежда: а вдруг мне действительно поможет, если я назову ее имя вслух?

– Флер... Ее звали Флер, – повторяю я, наблюдая за тем, как доктор Паттерсон записывает это имя.

И у Флер была такая же татуировка, как у меня.

20

Тони запаздывает с открытием кафе. У дверей в надежде выпить кофе толчется парочка приезжих, проплывавших по каналу вдоль деревни. Он просит их прийти через десять минут – когда заработает его кофемашина. Она оказалась с характером. И с тех пор, как он установил ее, все время показывает свой норов. Возможно, поэтому ее продали на eBay по дешевке.

Он мог бы, конечно, не отводить Джемму в больницу. Но после звонка из полиции Лаура оказалась не в состоянии сделать это сама. Она плохо отреагировала на появление Джеммы. Очень плохо.

– Как все прошло? – раздается за спиной Тони голос.

Обернувшись, Тони видит на пороге кафе Лауру. На ней костюм для занятий йогой. И похоже, она держит путь в свою школу.

– Полицейские хотят взять анализ ее ДНК, – говорит Тони. – Я уверен, что скоро все прояснится.

– Надеюсь, – бормочет Лаура, входя в кафе. – Они считают ее...

– Психотической убийцей? Я не спрашивал. Это не она, мой ангел. Точно не она.

Тони достает из холодильника миску киноа с корицей и несколько баночек цитрусового парфе с гранолой и ставит их в шкаф-витрину.

– Почему ты так в этом уверен? – спрашивает Лаура.

Он вовсе не уверен.

– Я поговорил с народом, – поясняет Тони, засыпая в мельницу зерна без кофеина. Ему хочется сменить тему. – Они примут Джемму на несколько дней, пока ей не подыщут место в больнице. Сюзи вроде не против. Она считает, что помещать ее прямо сейчас в иное место не годится. Деревня явно имеет для нее какое-то значение.

– Ну да, конечно. Мне кажется, ты не вполне осознаешь, кто эта женщина, Тони. Она больна!

– И нуждается в помощи, – говорит Тони. Лаура не часто повышает голос. А сейчас она еще и плачет. Тони обходит прилавок. – Сюзи права, – говорит он тихо, нежно сжимая руку жены.

– Я не спала прошлой ночью, – отворачивается от него Лаура, отводя взгляд на главную улицу. – И ты тоже спал плохо. Ты снова кричал во сне.

А он-то надеялся, что Лаура не слышала. Похоже, кричал он громко, раз она уловила его крики, лежа на диване внизу. Интересно, Джемма их тоже слышала?

В последнее время его стали чаще мучить кошмары, в которых он просыпается только за тем, чтобы осознать, что все еще грезит. Тони смахивает со стола крошечную соринку кухонным полотенцем, перекинутым через плечо. Он ненавидит грязные столы.

– И вряд ли я буду спать лучше сегодня ночью, – продолжает Лаура, – зная, что эта Джемма находится неподалеку.

– Думаю, ты преувеличиваешь, – говорит Тони, стараясь не нагнетать обстановку. Они не привыкли спорить, оба предпочитают избегать конфликтов.

– Я преувеличиваю? – поворачивается Лаура к Тони лицом. – Тогда почему эта Джемма выбрала наш дом? Она могла постучаться в любую другую дверь в нашей деревне. Но она заявила в наш дом, в котором якобы жила когда-то. Тебя это совсем не беспокоит? А вот меня пугает. И сильно пугает, Тони. А ты ничего с этим не делаешь.

У входа в кафе останавливается какой-то мужчина, идущий на станцию. Чертова Лаура! Почему нельзя было поговорить об этом дома?

– Открыто? – спрашивает мужчина, нервно оглядывая их обоих. Наверное, он слышал их ругань. – Мне нужен с собой в поезд бутерброд с беконом.

– Темпе⁹ с веганезом? – предлагает гостю Тони самым любезным тоном, благодарный за то, что гость отвлек его от тяжелого разговора с женой.

– Пожалуй, – нерешительно отвечает мужчина.

Встав за прилавок, Тони готовит бутерброд, время от времени поглядывая на Лауру. Та стоит неподвижно у окна со сложенными на груди руками. Ему нужно стараться и угождать посетителям. Местные жители воспринимают его вегетарианскую пищу с поразительной непредвзятостью, учитывая то, что на месте его кафе раньше была деревенская пекарня. «От ларди до фалафеля» – так ее описывали «Приходские новости».

– Извини, мне нужно приготовить еду, накормить посетителей, – говорит Тони Лауре, когда мужчина уходит. За прилавком, отделяющим его от жены, он чувствует себя гораздо комфортнее.

– Тебя действительно ничего не волнует? – спрашивает Лаура; в ее голосе звучит, скорее, печаль, чем раздражение или гнев.

– Что именно?

– Джемма, то, что я думаю. Мои опасения.

– Не говори ерунды. Конечно же, меня все это беспокоит, – на этот раз Тони решает не подходить к Лауре и не пытаться ее утешить. Что бы он ни сказал или сделал – ничего не поможет. Он начинает протирать полотенцем стеклянные бокалы.

– Не похоже, – бормочет Лаура.

– Мы пережили несколько напряженных недель, переезд и все такое, – Тони поднимает бокал к свету и проверяет, не осталось ли на нем разводов и пятен. Он ненавидит грязные бокалы. – А теперь к нам заявила еще и эта таинственная женщина. Не удивительно, что ты удручена и взвинчена.

Лаура недоверчиво качает головой:

– Пожалуйста, не надо относиться ко мне с покровительственным снисхождением, – говорит она, направляясь к двери. – И никакой таинственности в этой Джемме нет. По-моему, более чем очевидно, что она собой представляет, разве нет?

Тони ставит на поднос последний бокал и снова перекидывает полотенце через плечо. Разделенные пространством, супруги несколько секунд молча глядят друг другу в глаза. Ему следует быть внимательней к Лауре и больше заботиться о ней – она ведь такая хрупкая!

– Возможно, тебе стоит немного отдохнуть, мой ангел? – нарушает тишину Тони. – Возьми и съезди к своей маме. Вы давно не виделись, и она наверняка успела по тебе соскучиться.

Лаура грустно кивает головой:

– Возможно, – говорит она и выходит из кафе, хлопая за собой дверь.

21

Мы направляемся по кладбищенской дорожке к больнице, и в этот момент у доктора Паттерсон звонит телефон. Она приотстает, чтобы ответить на звонок. Я хочу ее подождать, но Сюзи взмахом руки велит мне двигаться вперед.

– Я догоню вас, – говорит она.

Я не могу избавиться от ощущения, что этот звонок касается меня. Ведь доктор Паттерсон уже позвонила одному из детективов – Сайласу, так, кажется, его зовут. Попросила дать ей побольше времени, чтобы разобраться со мной. И пообещала, что лично проследит за моим состоянием. Она не собирается упечь меня в отделение экстренной медицинской помощи. Она чувствует мое нежелание туда попадать. И поэтому послала запрос в Кэвелл-центр, местный

---

⁹ Ферментированный продукт из соевых бобов.

специализированный психиатрический стационар. Меня там поставили в лист ожидания, и я очень рассчитываю на то, что ждать койко-место в этом стационаре придется мне долго.

Я иду дальше, не упуская из вида Сьюзи Паттерсон. Она следует за мной на небольшом расстоянии. А детективы, еще недавно маячившие впереди, куда-то подевались. Вместо них появился какой-то мужчина с собакой. Он зашел на кладбище с дальнего конца. Правда, прежде чем я успела разглядеть этого человека, он скрылся за большим ветвистым тисом.

Я не останавливаюсь. Мужчина должен был бы уже вынырнуть с другой стороны дерева. Но, проходя мимо, я замечаю только его пса – он сидит на земле, и его худые лапы бьет мелкая дрожь. Такое впечатление, что его хозяин прячется от меня... А в следующий миг раздается оклик на языке, похожем на русский, хотя и с заметным ирландским акцентом:

– *Вы скучаете по жизни в Москве?*

Я останавливаюсь, не зная, как мне поступить, – зайти за дерево или идти, как шла.

– *На кого вы работаете?*

Я ускоряю шаг. Это сильно нервирует – когда ты не видишь говорящего. Я почти дохожу до покойницкой, когда мужской голос снова окликает меня. На этот раз он обращается ко мне уже на английском, правда, все с тем же ирландским акцентом:

– Джемма, я – Шон. Мы познакомились с вами вчера вечером в пабе.

Я поворачиваюсь и вижу Шона. Кривя губы в улыбке, он приближается ко мне вместе с псом.

– Вы не слышали там, позади, никаких странных голосов? – спрашивает Шон, озираясь по сторонам в пустынном церковном дворе.

– Нет, – отвечаю я, гадая, как долго он собирается разыгрывать этот нелепый спектакль.

– Забавно – честно говоря, мне показалось, что я слышал, как кто-то здесь говорил по-русски.

Мы оба переводим взгляд на заливной луг, по которому проносится междугородный поезд. За железной дорогой, на лесистом холме, стадо коров неторопливо восходит к небу.

22

– Не думаю, что она готова сейчас к допросу, – говорит доктор Паттерсон, усаживаясь за рабочий стол в своем кабинете. – Это все, что я могу сказать. Извините.

Сайлас жестом призывает Стровер сесть и сам садится в другое кресло. Он может винить в сложившейся ситуации только себя. Ему следовало послать на это дело Стровер и еще какого-нибудь младшего детектива, а не прикатывать в деревню самому. Имя Хаиш заинтриговало его в телефонном разговоре со Сьюзи прошлой ночью, но в действительности оно послужило лишь поводом для того, чтобы повидаться с ней снова. Все довольно прозрачно. Он не должен теперь злиться на нее из-за того, что потратил все утро.

– Нам нужно задать ей всего несколько вопросов, выяснить маршрут ее передвижений после приземления в аэропорту Хитроу, – говорит Сайлас. – Стровер изучает вчерашние списки пассажиров, но было бы неплохо, если бы нам удалось сузить поиск.

Сьюзи его довод не убеждает. И, похоже, она слишком смущена, чтобы посмотреть в глаза Сайласу. А ему предельно понятно, что происходит. Она больше не считает незнакомку Джеммой Хаиш. Простой ночью весь разговор вертелся вокруг одного: как бы ей не допустить еще одну большую ошибку в своей карьере.

Когда Сайлас познакомился со Сьюзи, она работала в больнице под Девичесом. Но была вынуждена уйти оттуда после трагической ошибки в диагнозе, раздутой донельзя центральной прессой. Она поставила семилетней девочке гастроэнтерит и отправила маленькую пациентку домой, наказав ей пить больше воды. А через два дня девочка умерла от острого аппендицита.

– Я понимаю, это я забила тревогу и вызвала вас сюда, – продолжает Сьюзи, пытаюсь оправдаться за то, что так быстро переменяла свое мнение. Но я вынуждена учитывать ее интересы и права, рассматривать, что для нее будет лучше. И сейчас она слишком слаба, чтобы подвергаться допросу. Еще раз извините.

Сайлас косится на Стровер, бесстрастно молчащую в своем кресле. Должно быть, она считает его идиотом – примчался сюда лично только для того, чтобы получить отлуп.

– Может быть, ты сможешь взять для нас хотя бы ее анализ ДНК, – предлагает инспектор Сьюзи, стараясь говорить как можно более примирительным тоном. Ведь все так хорошо шло – до того, как она вспомнила про свои обязанности перед Гиппократом. Если Сьюзи так озабочена правами пациентов, тогда какого черта она позвонила ему прошлой ночью по поводу Джеммы? Единственное, что он может предположить, – так это то, что она ступала и испугалась, что опять может потерять работу, если не сделает все по правилам.

– Она не хочет сдавать ДНК-тест, – говорит Сьюзи. – Она непреклонна.

Сайлас знает: Джемма не обязана соглашаться и сдавать этот анализ, пока она не под арестом. А для ее ареста пока нет никаких оснований. Вчерашних подозрений для этого мало.

– Это немного странно, ты не находишь? – говорит Сайлас. – На ее месте я бы пошел на все, лишь бы установить свою личность.

Сьюзи избегает смотреть на него:

– Тут еще один момент. Во время вчерашнего осмотра я намерила у Джеммы повышенное давление. Возможно, у нее артериальная гипертензия белого халата. Впрочем, я не уверена.

– Страх перед врачами?

– Ятрофобия. И она уж точно не рвется на больничную койку.

– Не стоит винить ее за это.

Сайлас часто проходит мимо Большой Западной больницы по дороге в свой полицейский участок на Гейбл-Кросс. И это здание не вызывает в нем добрых эмоций: год назад там умер его отец.

– Я сейчас работаю над гипотезой, согласно которой причиной амнезии может выступать страх, встревоженность, обусловленная эмоциональной травмой, – продолжает Сьюзи. – В случае с Джеммой это мог быть стресс на работе. Но, возможно, диссоциативную фугу у нее вызвало и какое-то реальное событие, травматический инцидент. Она рассказала мне о своей подруге, которая умерла.

– Как ее звали?

– Флер – это все, что она смогла вспомнить. Джемма не знала, ни где, ни когда умерла эта ее подруга. Начальный период вспоминания имеет решающее значение – ее мозг начинает обрабатывать происшедшее. Это может послужить ключом к разблокировке других воспоминаний. И осознанию, кто она. Я бы не хотела предпринимать ничего, что бы могло нарушить этот процесс.

– Может быть, мне попробовать с ней поговорить, – предлагает Стровер. Она тоже не смотрит на Сайласа. Женский подход. Что ж, он – Сайлас – не гордый. Пускай себе...

Сьюзи колеблется, глядя в свой монитор.

– Сегодня у нас кавардак, – бормочет она. – В девять часов Джемма должна была побеседовать с медсестрой психиатрической службы, но эта медсестра заболела.

– А где сейчас Джемма? – спрашивает Сайлас.

– С коллегой в соседнем кабинете. Все, что ей сейчас нужно, – это попасть в профильное учреждение. Лучше всего – в Кэвелл-центр. Но в данный момент у них нет мест. В этом вся проблема. Сколько времени вам необходимо для беседы с ней? – спрашивает Сьюзи, демонстративно обращаясь исключительно к Стровер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.